

ГАБРИЭЛЬ ФЕРРИ

ЛЕСНОЙ

БРОДЯГА. Т. 2

Классика приключенческого романа

Габриэль Ферри
Лесной бродяга. Т. 2

«Public Domain»

1850

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Ферри Г.

Лесной бродяга. Т. 2 / Г. Ферри — «Public Domain»,
1850 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03841-9

Габриель Ферри (наст. имя и фамилия Эжен-Луи-Габриель де Бельмар; 1809–1852) – французский писатель, один из создателей жанра авантюрно-колониального романа. Много лет провел в Мексике, ставшей местом действия большинства его произведений. Живые описания полудикой богатой страны, настоящего рая для авантюристов всякого рода, как и обаятельные образы повелителей мексиканских лесов, бесстрашных канадских охотников, французов по крови, искателей приключений по призванию, сказочно богатых золотоискателей, принесли их автору заслуженную, хотя и посмертную славу. Трагическая катастрофа (пожар на море) оборвала жизнь писателя. В данном томе публикуется окончание авантюрного романа «Лесной бродяга». Полные опасностей странствия двух неразлучных друзей захватывают воображение читателей всех возрастов. Действие происходит в дикой горной стране на северо-западе Мексики, куда в поисках золота отправляется экспедиция дона Эстебана.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03841-9

© Ферри Г., 1850
© Public Domain, 1850

Содержание

Часть II. Красный карабин	6
Глава XII. Шакалы хотят получить львиную долю	6
Глава XIII. Двое из рода де Медиана	15
Глава XIV. Суд линча	18
Глава XV. Суд божий	26
Глава XVI. Внутренний голос	33
Глава XVII. Неожиданный вестник	37
Глава XVIII. Из огня да в полымя	42
Глава XIX. Степные пираты	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Габриэль Ферри

Лесной бродяга. Т. 2

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Часть II. Красный карабин

Глава XII. Шакалы хотят получить львиную долю

Из-за только что разыгравшихся драматических сцен охотники на некоторое время совершенно забыли об ускокавших Барахе и Ороче.

Мы уже достаточно успели ознакомиться с образом мыслей и тайными намерениями обоих негодяев еще до катастрофы, разлучившей их с товарищами, чтобы предугадать взаимные чувства их друг к другу с того момента, когда они останутся одни.

Первый донесшийся до их слуха выстрел, наповал уложивший коня дона Эстебана, вызвал в их сердцах радостное чувство: они с удовлетворением подумали, что еще один из обладателей чудесной тайны навсегда обречен теперь на молчание, да и другой, вероятно, не замедлит унести свою тайну на тот свет, где никто не мечтает о земном золоте.

Поэтому, увидев себя в безопасности за грядою обрывистых скал, замыкавших Золотую долину с западной стороны, они, не теряя времени, поспешили удалиться от того места, которое чуть было не сделалось роковым для них. Эта цепь скалистых возвышенностей спускалась в долину довольно отлогим скатом и примыкала к Туманным горам, представляя собою как бы последние отроги их.

Следуя за этой грядою скал, авантюристы без труда достигли одного из затерянных в отрогах сиерры уголков и остановились в глубоком ущелье, на дне которого, скрытые нависшим над ними туманом, они чувствовали себя в полной безопасности. Здесь они дали полную волю своим чувствам, хотя в первый момент охватившее их волнение было настолько сильно, что они не могли обменяться ни одним словом.

– Позвольте поздравить вас, сеньор Ороче, – проговорил наконец Бараха, – что вам удалось избежать карабинов этих непримиримых тигреро!

– Охотно позволяю, тем более что если бы вам, сеньор Бараха, размозжили череп – ведь эти господа, как вам известно, имеют отвратительную привычку всаживать пули прямо в голову, – то вам, вероятно, было бы трудно принести мне это поздравление! А потому я весьма рад, что вижу вас живым и невредимым!

Тут Ороче слегка кривил душой. Собственно говоря, он предпочел бы один остаться в живых, так как близость больших сокровищ почти всегда порождает в людях стремление к одиночеству.

Вероятно, и поздравления Барахи были не более искренни. Как бы то ни было, но благодаря сходству мыслей, являвшемуся причиной их тесной дружбы, оба бандита вдруг призадумались. Выстрел из ружья, повторенный несколько раз горным эхом, вывел их из задумчивости.

– Это уже второй выстрел, нарушающий тишину этих пустынных мест! Первый, вероятно, раздробил череп Диасу, – и мне было бы очень прискорбно думать, что второй прикончил таким же образом дона Эстебана! – воскликнул Ороче, весьма плохо скрывавший свое желание остаться единственным обладателем тайны Золотой долины.

– Вполне разделяю ваши чувства! – рассеянно заметил Бараха. – Эти пустынные места страшно опасны для двух одиноких людей, какими мы стали теперь!

«Карамба! – подумал при этом Ороче. – Как видно, мой дражайший приятель Бараха считает и меня лишним!»

– К чему вы заряжаете ружье, сеньор Ороче? – тревожно осведомился Бараха у своего друга.

– Как знать, что может случиться здесь, в этой пустыне?! Надо быть ко всему готовым!

– Да, вы правы, следует всего ожидать! – И при этом Бараха так же взвел курок своей винтовки.

– Что же мы будем теперь делать? – спросил Ороче.

– Достаточно ли мы сильны, чтобы выгнать из укрепления трех охотников? Конечно, нет! Следовательно, нам есть смысл вернуться в лагерь, – заметил Бараха, – затем с надлежащими силами вернуться сюда и захватить этих узурпаторов всех сокровищ долины, которые мы видели только мельком!

– Так отправимся скорее! – горячо воскликнул Ороче.

– Нельзя терять ни минуты! – согласился Бараха.

Но вместе с тем ни тот ни другой не трогались с места, так как и Ороче, и его достойный друг не имели ни малейшего желания открыть путь к Золотой долине алчным до всякой наживы коршунам, оставшимся там, в лагере.

Они не без основания полагали, что трое охотников, захвати они даже столько золота, сколько сами они весят, все же оставят еще весьма солидную долю тому из них двоих, кто останется в живых, тогда как та банда авантюристов, которую они называют своими товарищами, наверняка расхитит все по частям, и на долю Ороче или Барахи придется лишь малая толика.

Точно голодные шакалы, караулящие, пока удалится пресытившийся своей добычей ягуар, чтобы наброситься на его объедки, оба бандита, не сознаваясь в том друг другу, втайне желали, каждый в отдельности, воспользоваться тем, что останется после ухода охотников, присутствия которых они так старательно избегали.

– Послушайте, – сказал Бараха, – я буду откровенен с вами...

«Посмотрим, какую-то ложь мне поднесет этот негодяй!» – мысленно проговорил Ороче и вслух продолжил:

– Зная вашу благородную, честную натуру, я и рассчитывал на это!

– Вы опасаетесь, конечно, чтобы, возвращаясь в наш лагерь вместе со мной, мы не были заподозрены в бегстве!

– Ваша удивительная проницательность положительно поражает меня! – воскликнул Ороче.

– Это весьма естественно, – продолжал с превосходно сыгранным добродушием Бараха, – двое всегда скорее могут обратить на себя внимание, чем какой-нибудь одинокий путник, не так ли?

– Вы положительно читаете мои мысли! – снова воскликнул Ороче с таким восхищением, что Бараха на мгновение почувствовал даже некоторый страх.

– Ну, в таком случае, вы, без сомнения, согласитесь с тем, что я намерен предложить вам!

– Еще не зная, о чем пойдет речь, я уже заранее готов изъявить вам свое согласие, так как никому не доверяю только наполовину, а тем более своим близким друзьям!

– Не хотите ли вы этим сказать, сеньор, что вовсе не доверяете им?

– О, сеньор Бараха, как можете вы говорить такие вещи! – воскликнул Ороче, картинно драпируясь в лохмотья, которые он называл своим плащом. – Я постоянно грешу как раз в обратном!

– Итак, я полагаю, что лучше всего нам будет добраться до лагеря в одиночку. Пусть каждый из нас выберет свой маршрут. Я первый подаю пример!

– Позвольте еще два слова! – остановил его Ороче. – Где же мы встретимся с вами?

– У разветвления реки! Тот, кто туда прибудет первым, подождет другого!

– А долго ли? – спросил Ороче с прекрасно сыгранной наивностью.

– Это будет зависеть от степени нетерпения прибывшего первым и от степени его дружеского расположения к тому, кого ему придется ждать!

– Эх, черт возьми! – воскликнул Ороче. – В таком случае, если, к примеру, я прибуду первым, а вы, вследствие какого-нибудь несчастного случая, предположим, падения в пропасть

или меткой пули, будете лишены возможности явиться к условленному месту, я буду обречен ждать вас там до второго пришествия Христова!

– Такого рода самоотверженная дружба с вашей стороны нимало не удивляет меня! – ответил Бараха прочувствованным тоном. – Но я не имею права принять такой жертвы! Нет, если вы ничего не имеете против, мы назначим для ожидания всего один час времени, после чего...

– После чего прибывший первым к реке вернется в лагерь, оплакивая своего друга!

Порешив на этом, друзья отправились каждый своей дорогой в различных направлениях; некоторое время они оставались в виду друг друга, но вскоре оба скрылись в густом тумане Туманных гор.

Когда гамбусино, на котором дырявый плащ развевался, подобно лохмотьям на огородном пугале, наконец окончательно исчез из глаз Барахи, последний приостановился и стал осматривать местность, но не с целью отыскать кратчайший путь, ведущий к разветвлению реки, отнюдь нет!

Полагаем, читателя не удивит, что он столько же помышлял о возвращении в лагерь, сколько о том, чтобы добровольно предать себя в руки охотников, от которых они бежали. Нет, Бараха был не столь прост! Он просто отыскивал теперь такое местечко, где бы ему можно было с удобством и в полной безопасности предаться прелестям продолжительного безделья, предоставив Ороче томиться в скучном ожидании его прибытия на условное место. Жадный гамбусино не хотел слишком удаляться от этих мест. Только он не принял в расчет трех охотников и нежных чувств своего друга.

Неподалеку от того места, где остановился, в углублении небольшой скалы он заметил весьма заманчивый грот, устланный на дне сухими травами и выглядевший очень уютно. Сойдя с коня, Бараха разнуздал его и пустил пощипать траву, а сам, достав из кожаной альфорхи¹, привешенной к его седлу, горсть маиса и смочив его водой из своей фляжки, приготовил себе тот скромный завтрак, в котором чувствовал теперь некоторую потребность.

Но, расположившись на мягкой подстилке и завернувшись в свой плащ, он тщетно мечтал забыться сном на несколько часов: сквозь сомкнутые веки его глаз золото долины прельщало его своим обольстительным блеском и не давало ему заснуть. Вдруг в его мозгу молнией сверкнула пугающая мысль, заставившая его вздрогнуть: а что, если Ороче где-нибудь подстерегает его и только ждет удобной минуты, когда он забудется сном, чтобы неожиданно напасть и отделаться от него?!

Вскочив с ложа, бандит внимательно осмотрелся кругом, но всюду было тихо и безмолвно, только ветер пустыни тянул свою заунывную песню в ущельях темных скал.

– А! – воскликнул Бараха, снова укладываясь на прежнее место. – Ороче подождет меня минут пять, затем... затем отправится...

На этом Бараха внезапно прервал свои размышления: до его слуха явственно донеслось конское ржание.

«Ого! – подумал он. – Уж не остался ли в горах Ороче, чтобы избавиться от надобности ждать меня там до второго пришествия Христова?!» И, проворно взнуздав коня, Бараха вскочил в седло, держа наготове заряженный карабин.

Не успел он проехать нескольких сотен футов, как его взору представилось зрелище настолько же неожиданное, насколько и внушающее опасения.

Он выехал на довольно широкий естественный мост, перекинутый природой через один из рукавов реки, который пробил себе путь сквозь главную цепь Туманных гор.

¹ Альфорха (*исп.* alforja) – переметная сума.

Проток этот, не особенно широкий и не отличавшийся большой глубиной, исчезал на мгновение под скалистым сводом моста и затем, пройдя значительное пространство под землей, впадал в озеро близ Золотой долины.

Пирога из березовой коры, в которой сидели двое мужчин, неслась вниз по течению, и в тот момент, когда наш искатель приключений заметил ее, уже скрывалась под темным сводом моста, так что гребцы вряд ли заметили всадника.

Бараха успел, однако, разглядеть странный наряд двух незнакомцев, которым суждено вскоре играть в этой истории весьма видную и притом трагическую роль.

Едва успели скрыться из виду странные пассажиры пироги, как новые страхи и опасения овладели злополучным искателем золота.

Встревоженный конским ржанием, донесшимся до него, Бараха озирался вокруг, желая предупредить грозившую ему опасность, и был прав: из тумана, заволакивавшего ближайшее ущелье, появилась фигура человека с винтовкой в руках, направлявшегося прямо к нему. Человека этого он узнал сразу: то был Ороче собственной персоной!

Бараха мигом соскочил с коня, увидев, что Ороче вскинул винтовку, и тут раздался громкий взрыв хохота, сопровождаемый следующими словами его приятеля:

– Клянусь Богом, сеньор Бараха, вы издали так походите на Кучильо, что я чуть было не сделал роковой ошибки, ошибки, о которой я сожалел бы...

– До второго пришествия Христова! – иронически подхватил Бараха.

– Даже, быть может, и после того! Но теперь, раз уж мы вновь оказались в дружеской компании, то не лучше ли нам отложить в сторону наше оружие?!

– Охотно! – отозвался Бараха, точно так же, как и его приятель, не имевший ни малейшей охоты вступать в опасный поединок: он имел в виду возможность отделаться от своего друга где-нибудь из засады, заманив его в западню, или же захватить врасплох, не подставляя понапрасну собственного лба под выстрел.

И вот оба они, закинув ружья за спину, приблизились друг к другу, сохраняя тем не менее положение вооруженного мира.

– Ну кто мог ожидать, что вы здесь?! – воскликнул Ороче.

– А вы-то? Ведь и вы, кажется, намеревались направиться к месту свидания?

– Да, но горный воздух так полезен мне, что я немного задержался! – бесстыдно заявил Ороче.

– А мне внезапное головокружение и дурнота помешали продолжать путь. Я чертовски подвержен головокружениям! – жалостливым тоном сказал Бараха.

После этого оба достойных приятеля принялись уверять друг друга в своей безграничной преданности и расположении. Затем Бараха сообщил о странной встрече с незнакомцами, ехавшими в челноке.

– Вы видите, что наши интересы теперь более чем когда-либо требуют, чтобы мы оставались вместе. Поедем в лагерь вдвоем, а впоследствии никто не помешает вам вернуться сюда, чтобы пользоваться прекрасным горным воздухом, который так полезен вам!

– А теперь вы уже не чувствуете более головокружения или дурноты?

– Нет, это было, вероятно, с горя, что мы расстались с вами!

– В таком случае, с Богом, в путь!

Но тут новый непредвиденный случай задержал двух хитрецов. От места их встречи шла вверх узенькая тропа, проложенная, вероятно, дикими козами. Следуя по ней, нетрудно было пробраться совершенно незаметно между скалами позади пирамидального холма и вернуться в долину вне досягаемости выстрелов Красного Карабина и Хосе.

– Изберем эту тропинку! – проговорил Ороче. – Чего нам медлить долее? Будьте добры, укажите мне путь, я последую за вами!

– Нет, я, конечно же, не сделаю этого! – учтиво возразил Бараха. – Я слишком хорошо воспитан для этого и прекрасно понимаю требования вежливости, дорогой сеньор!

– О! – воскликнул, в свою очередь, Ороче. – К чему такие церемонии между добрыми друзьями?!

– К тому же моя лошадь пуглива, а я близорук и не могу служить проводником. Клянусь честью, вы окажете мне громадную услугу, если поедете вперед, поскольку тропинка слишком узка, чтобы по ней возможно было ехать двум всадникам в ряд!

– Ну, полно, будьте откровенны, сознайтесь, сеньор, что вы не имеете ни малейшей охоты возвращаться в лагерь даже и вдвоем!

– Так же как и вы, сеньор!

– Вы бы желали, конечно, отправить меня ко всем чертям, сеньор Ороче?

– Да и вы, кажется, желаете того же, любезный сеньор Бараха?

Бараха смерил своего собеседника ироническим взглядом.

– Не отпирайтесь, сеньор Ороче, – сказал он, – вы только для того хотели заставить меня ехать вперед, чтобы всадить мне в затылок пулю из своего карабина!

– Господи! Ну как у вас поворачивается язык, как вы можете говорить такие вещи! – воскликнул Ороче с отлично сыгранным негодованием. – Какие у вас основания для этого?

– Основания?! Да мое собственное желание избавиться от вас!

– Ваша откровенность невольно вызывает и меня на откровенность! – проговорил длинноволосый гамбусино. – Действительно, я осмелился питать подобную мысль, но затем я рассудил, что, убив вас, буду еще более бессилён в борьбе против этого проклятого канадца, и потому отказываюсь от своего первого намерения!

– И я также! – отозвался Бараха.

– Итак, сыграем в открытую, – продолжал Ороче. – Не станем возвращаться в лагерь, а засядем здесь, в засаде, и я уверен, что в эту же ночь нам, наверное, представится какой-нибудь случай отделаться от незваных пришельцев, когда они заснут. Что же касается дона Эстебана и Диаса, то мы – увы! имеем достаточно оснований думать, что преждевременная смерть положила конец их дальнейшей карьере! Следовательно, оставшись лишь вдвоем, мы без обиды сумеем поделить между собою сокровища Золотой долины, не имея при этом надобности вцепляться друг другу в горло. Такие богачи, какими мы станем, должны, наоборот, заботиться только о том, как бы продлить свою жизнь. И вот, в доказательство моей искренности, я поеду вперед.

– Я сам желаю иметь это право! – прикладывая руку к сердцу, воскликнул Бараха.

– Нет, я искренне намерен доказать вам, что раскаиваюсь в прежнем намерении!

– Я также страстно желаю, чтобы вы забыли о моем заблуждении!

И оба проходимца заспорили, стараясь превзойти друг друга в учтивости.

Наконец Ороче поехал по тропинке, не чувствуя ни малейшего недоверия к своему товарищу и даже не поворачивая головы. Он судил о своем друге по себе, решив отделаться от Барахи не ранее чем испробует все средства, в которых тот может сослужить ему службу и помочь в осуществлении заветных планов.

Усеянная на каждом шагу обломками скал, заграждавшими путь, тропинка оказалась тем более опасна, что местами вилась над глубокими обрывами и пропастями, где неминуемо могли погибнуть и конь и всадник при малейшей оплошности с их стороны. И хотя путь до того места, где горный поток бурным каскадом низвергался в пропасть позади индейской могилы, был и недалек, но все-таки представлял много трудностей и требовал от всадников немалых усилий и чрезвычайной осторожности.

Среди этой мрачной и дикой природы падение вод невидимого еще всадникам потока давало знать о себе глухим рокотом. Неожиданно Ороче так резко осадил коня, что конь Барахи невольно наткнулся на его круп.

– Что там такое? – спросил Бараха у Ороче, который, устремив глаза вперед, делал рукою знак товарищу, чтобы тот молчал.

Барахе не пришлось вторично повторять своего вопроса.

Из серовато-дымчатого тумана медленно проступила фигура человека с мокрыми волосами, по которым еще стекала каплями вода, в насквозь промокшей и испачканной тиной и илом одежде. Человек лежал на животе, вытянувшись во всю длину поперек тропинки. Был ли это индеец или белый? Живой человек или мертвое тело? Этого-то и не мог толком разглядеть Ороче.

На беду, тропа в том месте, где наши всадники вынуждены были остановиться, шла над одним из тех обрывов над бездонной пропастью, о которых мы уже говорили выше, а с другой стороны примыкала к отвесной скалистой стене, так что человеку с конем не представлялось ни малейшей возможности повернуть обратно или сделать какое-либо другое движение, кроме движения вперед. А двинуться вперед Ороче не решался. Его и удивляло и пугало присутствие человека в этой местности, где лишь одни орлы да серны находили себе убежища.

С чувством все возрастающего беспокойства и тревоги смотрел Ороче на это неожиданное видение.

Голова человека свешивалась над обрывом, и его лица нельзя было видеть, но в этот момент туман на мгновение рассеялся, и Ороче успел разглядеть его, а также и то, что он, упираясь локтями о скалистый выступ, смотрел куда-то вниз на какой-то предмет, привлекавший его внимание.

Рев каскада был здесь настолько силен, что совершенно заглушал голос Ороче.

– Это Кучильо! – воскликнул он, не оборачиваясь к своему спутнику.

– Кучильо? – повторил тот, весьма удивленный. – Какого дьявола ему тут надо?

– Не знаю!

– Всадите-ка в него заряд из вашего ружья; это будет, по крайней мере, единственная вещь, которой он не украл!

– Да, для того, чтобы выстрел выдал этому проклятому канадцу наше присутствие!

В этот момент ему не пришло даже в голову, что, выстрелив в Кучильо, он тем сам предал бы себя безоружным в руки своего приятеля.

Но вот туман снова сгустился, Кучильо совершенно исчез из вида, и в течение какого-то времени всадники едва могли различать друг друга. Становилось не только опасно, но даже совершенно невозможно двигаться дальше, не рискуя на первом же шагу слететь в пропасть; оба гамбусино стояли в нерешительности. К счастью для них, резкий порыв ветра вскоре снова разорвал на мгновение густой покров тумана, и Ороче радостно воскликнул:

– Ну, слава богу! Этот мерзавец исчез куда-то! – И вздохнул с видимым облегчением.

Путь оказался свободен, они снова очутились одни среди неприступных гор.

Странный, дикий пейзаж, окружавший беглецов, одетые в туманный саван горы, среди которых они блуждали почти наугад, близость виденных ими сегодня мельком в долине сокровищ и всякого рода волнения, которым оба они подвергались с самого утра, – все это способствовало тому, что воображение бродяг сильно разыгралось.

То обстоятельство, что Кучильо, по-видимому, с таким напряженным вниманием разглядывал что-то там, в бездне, возбудило любопытство авантюристов.

В этом месте тропинка чуть расширялась, во всяком случае, настолько, чтобы позволить всадникам спешиться, и вот, не обменявшись ни словом о своих намерениях, Ороче и Бараха одновременно соскочили с коней.

– Что вы хотите делать?

– Да неужели вы не догадались?! Я уверен, что и вы сделаете то же самое! – смеясь, ответил Бараха. – Я намерен узнать, что привлекло внимание Кучильо там, внизу. Это должно быть любопытно, надо полагать!

– Берегитесь, эти скалы чертовски скользкие, предупреждаю вас!

– Не беспокойтесь, любезный друг, я парень ловкий и осторожный и вам советую сделать то же, что намереваюсь сделать сам!

С этими словами Бараха опустился на одно колено, заглянул в бездну. В шести шагах от бокового ската горы из расселины с ревом низвергался водопад; над его разверстою пастью тропинка образовывала род природного свода или арки.

Взяв под уздцы своего коня, Ороче перевел его на другую сторону арки, считая более разумным несколько удалиться от своего товарища.

Минуту спустя, скрытые друг от друга сводом арки, лежа плашмя и свесив головы над пропастью, оба авантюриста осматривали жадным взглядом страшную бездну.

Одно и то же зрелище одновременно поразило обоих и снова возбудило в их сознании те же мысли об убийстве и насилии, которые только-только успели улечься в их душах.

Громадная глыба золота, блиставшая между пенящимся каскадом и ближайшим утесом, чуть было не вызвала восторженного крика у приятелей, но они твердо помнили, что следует молчать, и, хотя это требовало нечеловеческих усилий, все же сумели не обнаружить своего присутствия.

Застряв в расщелине скалы, золотой самородок искрился, будто приглашая руки человеческие не дать ему бесполезно быть поглощенным бездной. Однако подступиться к нему не было никакой возможности. От постоянной сырости отвесные бока утеса оделись густым мхом, а под самой глыбой золота неширокий выступ скалы будто только и ждал того смельчака, который отважился бы ступить на его осклизлую поверхность. Однако этому смельчаку обязательно необходим был помощник, иначе ему грозила неминуемая гибель. Именно это обстоятельство заставило отказаться от столь рискованной затеи Кучильо, когда он при приближении авантюристов упивался блеском бесценного самородка.

Бараха опомнился первым. Сердце его болезненно сжалось при одной мысли, что самородок мог в любое мгновение сорваться в пропасть. Схожие мысли владели и его спутником, и оба одновременно вскочили на ноги. Осознание того непреложного факта, что никто из них в одиночку не рискнет добыть самородок, заставило их действовать сообща.

Ороче снова присоединился к Барахе.

– Видели? – взволнованно спросил он.

– Видел, черт подери! Целое состояние!

– Но как его достать? Ведь тогда можно было бы плюнуть на всех и вся и смотаться отсюда подобру-поздорову!

– И то правда! Послушайте, свяжем наши лассо, и один из нас спустится на них вниз, – предложил Бараха. – До самородка ведь не более восьми футов!

– Кто же, по-вашему, примет на себя риск?

– Пусть решит жребий.

– Если жребий падет на меня, вы просто сбросите меня в пропасть. Разве не так, сеньор Бараха?

Бараха пожал плечами:

– Вы простак, с позволения сказать, почтеннейший сеньор Ороче! Разве резон бросить своего приятеля, да еще такое сокровище с ним в придачу? Впрочем, приятелем можно бы пожертвовать, но самородком – ни за что на свете!

– Любезнейший сеньор Бараха, вы делаете самые священные понятия, даже такие, как наша дружба, предметом неуместных насмешек, – заметил Ороче с таким скорбным видом, что Бараха более чем когда-либо убедился в его лицемерии.

Бараха извлек из кармана карточную колоду и предложил:

– Вытянувший старшую карту будет иметь право выбора.

– Идет, – кивнул Ороче. – Только уговор: я тащу из ваших рук, вы из моих. Так будет справедливо.

Бараха нехотя согласился.

Ороче достался король; Бараха же, к своему огорчению, вытянул девятку.

Однако под впечатлением рассуждений Барахи длинноволосый гамбусино, считавший и без того уже, что обладание сокровищем есть своего рода талисман против всяких бед и зол, а главным образом – против коварства его друга, вопреки ожиданию, избрал более опасную роль – спуститься вниз и овладеть самородком.

Тогда, отвязав свои лассо, бандиты скрутили их вместе, затем Ороче обмотал один конец полученного таким образом жгута вокруг своего пояса; другой конец привязали к стволу молодого дубка, росшего здесь же в расщелине скалы. Кроме того, Бараха крепко держал этот конец лассо. Пожалуй, без помощи тщедушного деревца его роль могла стать столь же опасной, как и роль Ороче, ибо тяжесть последнего, увеличенная к тому же немалым весом самородка, запросто могла увлечь Бараху в бездну. Удостоверившись, что жгут прикреплен надежно, Ороче начал осторожно спускаться, цепляясь за выступы и стараясь ставить подошвы ног в углубления или расщелины скал.

В оглушительном реве водопада Ороче чудились какие-то подземные голоса, звавшие его к себе, маня в бездну. Голова его начинала кружиться, но чувство непреодолимой алчности преодолело эту минутную слабость, и он упорно продолжал начатое дело.

В порыве охватившего гамбусино экстаза ему казалось, что мрачная бездна уже не ревет и не стонет, а тихонько журчит и напевает, как светлый лесной ручеек, навевая сладостные мечты.

Вот скрюченные пальцы гамбусино коснулись желанной глыбы золота, вцепились, впились в нее! Сначала она не поддавалась его лихорадочным усилиям, но затем вскоре стала в своем каменном гнезде. Двух жадных рук, по-видимому, было недостаточно, чтобы обхватить и удержать эту драгоценную глыбу; малейшее неосторожное усилие могло, отделив от скалы, заставить ее скатиться в пропасть. Ороче старался даже не дышать, Бараха, склонившись над обрывом, в одинаковой мере разделял его опасения и лихорадочный страх, – словом, все чувства, волновавшие в этот момент его приятеля.

Еще мгновение – и горное эхо повторило два непосредственно следовавших один за другим крика, два крика, торжествующих победу. Это были громкие возгласы Ороче и Барахи, раздавшиеся почти одновременно в тот момент, когда наконец эта масса чистого золота засверкала в дрожащих руках отважного похитителя.

– Поднимайте меня скорее, бога ради! – воскликнул Ороче голосом, дрожавшим от волнения. – У меня в руках груз не менее тридцати фунтов по весу. Право, я не предполагал, что так силен!

Бараха сначала с конвульсивным усилием начал тянуть вверх веревку, затем тянул все слабее и, наконец, вовсе перестал, а руки Ороче еще не доставали до уровня тропинки.

– Ну же, Бараха! Еще немного! – крикнул ему гамбусино. – Всего пара футов, и я весь к вашим услугам!

Но Бараха по-прежнему оставался недвижим: в мозгу его вдруг родилась дьявольская мысль.

– Передайте-ка мне эту глыбу, которая истощает ваши последние силы своим непомерным весом, тем более что и я сам уже выбился из сил! – проговорил он.

– Нет, нет, тысячу раз нет! – завопил гамбусино, на лбу которого мгновенно выступил крупными каплями холодный пот. Он судорожно прижимал свое сокровище к груди и, не будучи в силах совладать с собою, воскликнул: – Скорее я расстанусь со своей душой, чем с этим золотом. А... а, понимаю, как только я передам вам самородок, вы бросите лассо, чтобы я сорвался!..

– А кто вам говорит, что я не отпущу его и сейчас? – глухо пробормотал Бараха.

– Кто говорит?! Да ваша собственная выгода ручается мне за это! – ответил гамбусино, голос которого теперь заметно дрожал.

– Ну, так слушайте же: я не выпущу лассо, но только с одним условием. Я хочу, чтобы это золото принадлежало одному мне, чтобы оно было все мое! Слышите? Мое! Отдайте мне его сейчас же... не то я брошу лассо, – и вы сверзнетесь в бездну!

Смертельная дрожь пробежала по всему телу Ороче, он содрогнулся до мозга костей и, взглянув на мертвенно бледное лицо Барахи, проклял свою глупую доверчивость и свой безумный выбор.

Он попытался было сделать усилие и без посторонней помощи взобраться на вершину утеса, но громадная тяжесть, которую он держал в руках, парализовала его движения. И он остался недвижим, как и Бараха, который теперь держал в руках его жизнь.

– Я хочу, я требую это золото, слышите, черт бы вас побрал! – продолжал немного погодя Бараха. – Или вы отдадите его мне, или же я брошу лассо... Нет, я перережу его!

С этими словами негодяй вытащил из ножен кинжал.

– Я, скорее, согласен умереть! – крикнул Ороче. – Пусть меня поглотит бездна, а вместе со мною и самородок!

– Ваша воля выбирать, – презрительно уронил Бараха, – или все это золото, или ваша жизнь, вот и все!

– Вы прикончите меня, даже если я отдам его вам!

– Пусть так! – решил Бараха и стал перерезать лассо не спеша, как бы давая понять обреченному, что у него еще есть время одуматься и спастись.

Глава XIII. Двое из рода де Медиана

Возвратимся к главным героям повествования. Педро Диас не замедлил стряхнуть с себя то состояние горестного оцепенения, угнетенности и вместе с тем глубокого удивления, какое на мгновение овладело им.

– Я ваш пленник! – сказал он, медленно подняв голову. – А потому с полной покорностью ожидаю своей участи!

– Вы свободны, Диас! – проговорил Фабиан. – Свободны безусловно, без всяких оговорок или ограничений!

– Нет, нет! – живо вмешался канадец. – Напротив, мы ставим вам самые тяжелые условия!

– Какие?! – осведомился искатель приключений.

– Вам известна теперь, равно как и нам, одна тайна, о которой мы знаем уже давно. Я имею веские основания позаботиться о том, чтобы эта тайна умерла вместе со всеми теми, кому ее открыл злой рок. Вы один из всех, кому она была известна, кроме нас самих, будете исключением из этого правила: я уверен, что человек столь смелый и отважный, как вы, всегда сумеет сдержать данное слово. Итак, прежде чем вернуть вам свободу, я требую, чтобы вы поручились мне своей честью, что никогда никому не расскажете о существовании Золотой долины!

– Я надеялся, что эти сокровища помогут осуществить мою заветную мечту! – с тоской в голосе сказал благородный искатель приключений. – А я мечтал сделать мою родину независимой и могущественной. Это великое дело мог осуществить только дон Эстебан! Без него все мы превращаемся в слабых людей, без веры в успех дела. Но – увы! – печальная участь, грозящая человеку, на которого я возлагал все свои надежды и от которого ожидал осуществления своей мечты, навсегда лишает меня этой надежды и делает ее пустой мечтой... Пусть же все сокровища и богатства Золотой долины навсегда остаются сокрытыми в этой дикой пустыне, что мне до них теперь?! Клянусь вам своей честью, что никогда, в течение всей своей жизни, я ни единым словом не обмолвлюсь о существовании этих богатств; мало того, я забуду даже о том, что они находятся здесь!

– Прекрасно! – сказал на это Красный Карабин. – Теперь вы можете идти: мы не держим вас!

– Нет, нет еще, если вы позволите мне, то я хотел бы сказать вам два слова. Во всем том, что случилось сейчас на моих глазах, кроется какая-то тайна, которой я даже не пытаюсь разгадать, однако...

– Все это весьма просто, могу вас уверить! – перебил мексиканца Хосе. – Этот молодой человек... – продолжал он, указывая на Фабиана.

– Погодите! – торжественно воскликнул последний, сделав знак испанцу-охотнику, чтобы он повременил со своими разъяснениями. – На предстоящем суде, перед лицом верховного судьи, – при этом Фабиан указал на небо, – все станет ясно, как из обвинения, так и из защиты, и сеньор Диас все поймет, если только он пожелает остаться с нами. В пустыне каждая минута дорога, и мы должны приготовиться, сосредоточив свои мысли и обдумывая в глубоком безмолвии тот решительный поступок, который нам предстоит совершить!

– Я именно хотел просить вашего разрешения остаться с вами. Я не знаю, виновен ли этот человек или нет, знаю одно, что он тот вождь и господин, которого я добровольно избрал и признал и которому я останусь верен до последней его минуты, до последнего моего вздоха, готовый защищать его против вас ценой моей собственной жизни, если он невиновен, и вместе с тем готовый согласиться с вашим приговором, если приговор этот будет справедливым!

– Прекрасно, вы сами все услышите и сами сможете судить о его правоте, – сказал Фабиан.

– Человек этот – один из великих мира сего, а между тем вот он лежит в пыли и связанный, как последний преступник из подонков черни! – грустно продолжал Диас.

– Развяжите его, Диас, – сказал Фабиан, – но не пытайтесь защитить от мщения сына убийцу его матери и возьмите с дон-Антонио слово, что он не сделает попытки бежать; в этом отношении мы всецело полагаемся на вас!

– Ручаюсь вам за него своей честью, что он и не подумает бежать! – воскликнул благородный искатель приключений. – Точно так же, как ручаюсь в том, что я не стану способствовать его бегству!

С этими словами Диас направился к дону Эстебану и быстро развязал связывавшие его путы. Герцог, и в плену не утративший своего величавого вида, молча поднялся с земли.

Тем временем Фабиан под гнетом тяжелых, грустных мыслей сел немного поодаль, внутренне страдая от своей горестной победы. Хосе отвернулся, чтобы не смущать его, и, казалось, внимательно следил за движением тумана над вершинами гор.

Что же касается Красного Карабина, то он, оставаясь в своей обычной спокойной позе, не сводил глаз с молодого человека, и в его огорченном озабоченном взгляде отражались скорбные и мучительные думы, омрачавшие юное чело его возлюбленного сына.

Прошло еще несколько минут тягостного молчания. Наконец Фабиан, стряхнув овладевшую им грусть, сделал знак Хосе и Розбуа вернуться к подножию пирамиды и привести туда графа де Медиана. Наступило время торжественного суда.

Старший де Медиана, внешне все так же надменный и спокойный, а в душе весь кипя от бешенства, что все его планы рушатся как раз накануне их осуществления, медленно подошел к нашим друзьям. В нескольких шагах за знатным испанцем, в почтительной позе, с низко опущенной головой и удрученным видом, стоял Диас. Фабиан медленно пошел навстречу своему дяде.

– Сеньор граф де Медиана, как видите, мне известно, кто вы такой! – проговорил он, останавливаясь в двух шагах от испанца. Испанский гранд также остановился. – И сами вы также прекрасно знаете, кто я! – продолжал Фабиан.

Дон Антонио не шевельнулся; выпрямившись во весь рост, он стоял точно каменное изваяние, не отвечая вежливостью на вежливость своего племянника.

– Я пользуюсь привилегией оставаться с покрытой головой в присутствии короля Испании и потому сохраняю за собой это право и по отношению к вам, – гордо проговорил он наконец. – Кроме того, я пользуюсь правом отвечать лишь тогда, когда я пожелаю этого или когда считаю нужным, и это право также сохраняю за собой в данном случае! Довожу это до вашего сведения, сеньоры!

Несмотря на столь высокомерное заявление, дон Антонио невольно подумал о том, как велика дистанция между ставшим его судьей юношей и тем малышом, который двадцать два года назад плакал в кроватке спальни замка Эланчови. Неоперившийся птенец стал могучим орлом и держал его теперь в своих когтях.

Взоры обоих представителей рода де Медиана скрестились, подобно боевым клинкам, и стоявший в стороне Педро Диас с удивлением и все возрастающим уважением поглядывал на приемного сына Маркоса Арельяно, престиж которого вырастал буквально у него на глазах. Дерзкий искатель приключений с нетерпением ждал развязки разыгравшейся перед ним драмы.

Фабиан был от природы горд не менее, чем дон Антонио.

– Пусть будет так, – кивнул он. – Вам также следует знать, что право сильного в пустыне далеко не пустой звук.

– Вы правы, – согласился дон Антонио. Несмотря на внешнее спокойствие, он внутренне содрогался от гнева и горя. – Поэтому-то я и скажу вам откровенно: я знаю о вас гораздо более

того, что некий злой дух возвратил вас к жизни, чтобы вы встали неодолимой преградой на пути к моей цели! Вы, вы...

Бешеная ненависть захлестнула испанца, помешав ему продолжать.

Гордый отпрыск древнего рода побледнел, но молча проглотил обиду, нанесенную ему убийцей его матери.

– Итак, вам нечего больше сказать? Вы предпочитаете видеть меня тем, кем я кажусь вам сейчас?

– Возможно, вы еще и убийца, – презрительно усмехнулся дон Антонио и отвернулся от Фабиана, показывая всем своим видом, что не желает иметь с ним дела.

В продолжение разговора близких родственников Розбуа и Хосе стояли чуть поодаль.

– Подойди, пожалуйста, Хосе, – обратился Фабиан к бывшему микелету, усилием воли заставляя себя сохранять спокойствие. – Объясни испанскому гранду, кто я!

Если дон Антонио и сомневался еще относительно замыслов тех, в чьих руках он оказался, то его сомнения рассеялись при одном виде мрачного и решительного выражения лица подошедшего Хосе. Оно породило в душе старшего де Медиана недоброе предчувствие. Он вздрогнул, но не опустил взора, встретив исполненный откровенной ненависти взгляд соотечественника с непоколебимым спокойствием и истинно испанской надменностью.

Хосе усмехнулся:

– Стоило ли вам, граф, посылать меня на галеры в Сеуту, чтобы в конце концов встретиться здесь, за тысячи миль от Средиземного моря, со мной и родным племянником, мать которого вы убили или приказали убить со зверской жестокостью! Не ведаю, угодно ли будет графу Фабиану де Медиана даровать вам прощение, но лично я, – он ударил прикладом винтовки о землю, – я поклялся на кресте не давать вам пощады.

Фабиан укоризненно взглянул на Хосе и, повернувшись к дяде, твердо сказал:

– Граф, вы стоите здесь не перед убийцами, а перед судьями, и смею вас заверить, что Хосе этого не забудет!

– Перед судьями? – презрительно переспросил дон Антонио. – Не много ли на себя берете, сеньоры? Право судить меня я признаю только за испанским королем и собранием грандов, а не за каким-то беглым каторжником или нищим, присвоившим себе не принадлежащий ему титул. Здесь нет ни одного де Медиана, кроме меня, и потому судите сколько вам угодно, я не намерен вам отвечать.

– Тем не менее я буду вашим судьей, – спокойно проговорил Фабиан, – и судьей беспристрастным и нелицеприятным, ибо я беру Господа Бога в свидетели, что с этого момента в моем сердце нет ни вражды, ни ненависти к вам.

В тоне и в голосе, какими были сказаны эти слова, слышалось столько прямоты и искренности, что лицо де Медиана неожиданно утратило свое прежнее выражение мрачного недоверия. Луч надежды мелькнул в его глазах, и герцог вдруг вспомнил, что он стоит перед лицом своего наследника, которого даже оплакивал однажды. Поэтому он теперь менее резко спросил, обращаясь к нему:

– В чем же обвиняют меня?

– Это вы сейчас узнаете! – последовал ответ Фабиана.

Глава XIV. Суд линча

На необозримых просторах Америки почти повсеместно действует жестокий суд, суд Линча; страшен он не тем единственным принципом, который гласит: «Око за око, зуб за зуб и кровь за кровь», а, главным образом, тем, что те, кто применяет его на других, присваивают себе право, не принадлежащее им, и потерпевшая сторона провозглашает себя судьей в своем же деле, то есть является одновременно и обвинителем и судьей, затем сама же приводит в исполнение произнесенный ею приговор. Таков суд Линча!

В беспредельных пустынях Америки суд этот беспощадно применяется всеми: белыми против белых и негров, индейцами против белых и белыми против индейцев.

Цивилизованные страны изменили до некоторой степени форму применения этого ужасного закона, удержав его только для уголовных преступлений; но дикое население пустыни все еще продолжает применять без каких-либо ограничений. Пред таким-то судом и пришлось предстать дону Антонио де Медиана.

Фабиан указал обвиняемому на одну из плоских каменных плит, напоминавших надгробные могильные плиты на наших кладбищах, которыми была усеяна окрестность, и, предложив ему знаком сесть, сам опустился на другую такую же плиту. Таким образом, получился почти правильный треугольник, третий угол которого представлял собой канадец и его товарищ, также разместившиеся на плитах.

– Не подобает обвиняемому садиться в присутствии своих судей! – с едкой насмешкой проговорил дон Антонио. – Я буду стоять.

Но и это не задело Фабиана, решившего до конца выдержать свою роль.

– Как вам будет угодно, – бесстрастно проговорил он и умолк, ожидая, пока Диас – единственный из всех присутствующих беспристрастный человек – усаживался поблизости, так чтобы все слышать и видеть. Он сохранял невозмутимый вид присяжного, намеревавшегося высказать свое мнение после судебного разбирательства.

Фабиан начал:

– Вы сейчас узнаете, граф, в каком преступлении вас обвиняют. Учтите, я здесь всего лишь судья. Я заслушаю стороны и на основании их показаний вынесу вам приговор. – Он на несколько мгновений задумался, потом спросил: – Вы тот самый человек, которого в Испании знают как графа Антонио де Медиана?

– Нет! – отвечал твердо и уверенно испанец и, видя недоумение своих судей, пояснил: – Я был графом де Медиана до того момента, когда мой меч приобрел мне другие титулы и звания. В настоящее время меня в Испании зовут не иначе, как герцог д'Армада, и это имя я вправе передать тому из членов моей семьи, которого я пожелаю усыновить!

Последняя фраза, случайно вырвавшаяся из уст обвиняемого, должна была служить единственным средством защиты.

– Прекрасно, – заметил Фабиан, – сейчас герцог д'Армада узнает, в каком преступлении обвиняется дон Антонио де Медиана. Говорите первым, Красный Карабин! – предложил он канадскому охотнику. – Расскажите, что вы знаете, но ни полслова лишнего!

Последнее замечание показалось присутствующим совершенно излишним: мужественное лицо канадца хранило печать такого спокойствия и достоинства, что при виде его ни у кого не возникло и тени сомнения в правдивости его обладателя.

Розбуа неторопливо поднялся со своего места и снял меховую шапку, обнажив высокое благородное чело.

– Я буду говорить только то, что знаю! – вымолвил он. – В восемьсот восьмом году я служил матросом на французском люгере, занимавшемся контрабандой и носившем название «Альбатрос». В темную, туманную ноябрьскую ночь мы съехали на берег, по соглашению с

капитаном эланчовийских микелетов, на побережье Бискайского залива. Я не стану передавать вам, – при этих словах легкая улыбка скользнула по губам Хосе, – как нас встретили оружейными выстрелами с берега, к которому мы приставали по дружественному соглашению; достаточно будет заметить, что в тот момент, когда мы возвращались обратно на наше судно, внимание мое было привлечено детским криком, донесшимся будто из глубин моря. На самом же деле крики доносились из покинутой шлюпки. Рискуя собственной жизнью, я направился к ней, в это время с берега открыли против меня убийственный ружейный огонь. В шлюпке, утопая в крови, лежала убитая кем-то молодая женщина. Она была уже мертва, а подле нее умирал и ее ребенок. Я взял себе малыша, – и вот он теперь перед вами, этот сильный рослый мужчина! – При этом Красный Карабин указал на дону Фабиана. – Кто совершил это страшное, бесчеловечное преступление, мне не известно. Вот все, что я знаю.

После этих слов Розбуа надел шапку и сел на прежнее место. Наступило тяжелое молчание. Фабиан на мгновение потупил взгляд, глаза его метали молнии, но затем, когда он поднял их на Хосе, которому теперь предстояло выступить, выражение глаз его было холодное и покойное. Бывший стражник поднялся со своего места.

– Я буду предельно правдив перед вами, граф де Медиана, – обратился он к Фабиану, который, по его убеждению, только и имел право на этот титул. – Я постараюсь забыть, что по милости этого вот гранда провел пять долгих лет в ссылке среди отребья человеческого общества, и скажу лишь то, что повелевают мне долг и совесть. Когда я предстану перед Всевышним судьей, я не побоюсь повторить того, что сейчас сказал, и не раскаюсь в сказанном!

Фабиан кивнул в знак согласия.

– В ноябрьскую ночь восемьсот восьмого года я, тогда королевский микелет, охранял побережье эланчовийской бухты. Трое людей, прибывших с моря, пристали к берегу. Капитан, под командой которого мы находились тогда, продал одному из них право приставать к запрещенному берегу. Должен признаться, что и я оказался соучастником этого человека и получил от него в вознаграждение за свое преступное участие в этом незаконном деле известную долю этого подкупа... На следующий день графиня де Медиана ночью покинула вместе со своим маленьким сыном свой замок и уже не возвратилась в него живой. Мы нашли ее в лодке на берегу мертвой, а ребенок ее бесследно исчез. Спустя немного времени дядя ребенка явился в замок и потребовал для себя и титул и наследие своего племянника. И все это досталось ему. Я полагал, что стал соучастником какой-то контрабандистской махинации, а вышло, что, сам того не ведая, способствовал убийству! Я обвинил перед судом в этом страшном злодеянии нового графа де Медиана и сознался в своем невольном участии в этом деле, но в результате заплатил за свою смелость пятью годами каторги на галерах в Сеуте! Теперь, вдали от бесчестных, бессовестных и подкупленных судей, перед лицом самого Господа Бога, который нас видит и слышит, я снова обвиняю стоящего здесь человека в убийстве графини де Медиана и присвоении себе титула и богатств графа де Медиана, своего малолетнего племянника! Человек, которого мы видим перед собой, один из тех трех, которые в ту достопамятную ночь проникли в замок, где жила мать дон Фабиана! Пусть же этот убийца попробует теперь доказать мне, что я сказал неправду! Ничего более не имею добавить.

– Слышали? – спросил дон Фабиан, обращаясь к обвиняемому. – Что вы можете сказать в свое оправдание?

В тот момент, когда дон Фабиан произносил последние слова, резкий, пронзительный крик донесся со стороны водопада. Все разом обратили взгляды в ту сторону, и сквозь прозрачное облако брызг, висящее над низвергавшимся потоком, им показалось, что в воздухе мелькнула с минуту висевшая над пропастью человеческая фигура, которая, описав кривую линию, скрылась в бездне.

После минутной паузы, вызванной этим неожиданным происшествием, Фабиан снова повторил свой вопрос обвиняемому:

– Что вы можете сказать в свое оправдание?

В душе де Медиана происходила мучительная борьба, борьба между его совестью и его непреклонной гордостью. Наконец последняя одержала верх.

– Ничего! – гордо отвечал он.

– Ничего?! – повторил вслед за ним Фабиан. – Да разве вы не понимаете, что после этого мне только остается исполнить тягостный для меня долг!

– Нет, я отлично понимаю это! – последовал ответ.

– И как мне это ни тяжело, – воскликнул Фабиан сильным, звучным голосом, – я сумею его исполнить! А между тем хотя кровь моей матери вопиет об отмщении, но если бы вы только сумели найти себе оправдание, я благословлял бы судьбу! Дайте мне слово, поклянитесь славным именем де Медиана, которое мы оба носим, поклянитесь вашей честью, спасением вашей души, что вы не виновны в том кровавом злодеянии, что кровь моей матери не тяготеет на вас, – и я говорю вам: я буду счастлив этою уверенностью!

Фабиан смолк и под гнетом мучительного, горестного чувства ждал ответа дяди. Но, непреклонный и мрачный, как падший ангел, герцог д'Армада молчал.

В этот момент Диас, сидевший все время поодаль, встал и подошел к ним.

– Я выслушал со вниманием обвинение против дон Эстебана де Аречизы, которого я также знал и как герцога д'Армаду! – проговорил он. – Позволено ли будет теперь мне высказать свободно все, что я думаю об этом деле?

– Разумеется! – сказал Фабиан. – Пожалуйста, выскажитесь, кабальеро!

– Одно мне кажется сомнительным. Я, конечно, не знаю, совершил ли этот благородный вельможа то преступление, в котором его обвиняют, или нет, но, допустив даже, что он действительно совершил его, имеете ли вы власть судить его здесь? Согласно местным законам, здесь, на границе, где нет судебных властей и учреждений, только ближайшие родственники жертвы имеют право требовать крови виновного! А насколько мне известно, вся молодость или, вернее, юность сеньора Тибурсио Арельяно прошла в этой стране, и я всегда знал его как приемного сына гамбусино Маркоса Арельяно. Теперь скажите, чем вы докажете, что Тибурсио Арельяно – сын убитой графини де Медиана? Как после стольких лет бывший матрос, ныне здесь присутствующий вольный охотник, мог признать здесь, в пустыне, в этом уже совершенно сложившемся мужчине того ребенка, которого он видел одно мгновение в темную туманную ночь?

– Ответьте, пожалуйста, сеньору Диасу, Красный Карабин! – холодно, но учтиво произнес Фабиан.

Канадец снова встал, медленно, не торопясь вытянулся во весь рост и заговорил:

– Прежде всего я должен объявить вам, что я держал на своих руках этого ребенка, я смотрел на него и глядялся в его черты вовсе не одно мгновение, как вы полагаете, сеньор Диас, да еще в темную, туманную ночь. Нет, с того момента, когда я спас его от неминуемой смерти, этот ребенок более двух лет жил при мне на том самом судне, где я служил и куда я привез его в ту памятную ночь! Черты родного сына не могут лучше запечатлеться в сердце и в памяти его родного отца, чем черты этого ребенка запечатлелись навсегда в моей памяти: я и теперь, как сейчас, вижу его перед собой. А вы спрашиваете, как я мог его узнать! Когда вы бродите в саванне без дорог и тропинок, то не определяете ли свое направление по руслу ручья, по виду листвы, по своеобразному искривлению стволов, по расположению мхов на этих стволах, наконец, по звездам небесным, не так ли? И когда вы опять проходите по той же местности в другое время года, год, два, десять, даже двадцать лет спустя, если даже за это время дожди помогли широко разлиться ручейку или же солнце высушило его почти до дна, если деревья и кусты, которые вы видели в пышной листве, и поредели, и опали, и стволы их заметно увеличились в объеме, если и мхи густо разрослись, – неужели вы все-таки не узнаете знакомого места, не узнаете ни ручья, ни тех деревьев, ни тех мхов?

– Конечно! – отвечал Диас. – Всякий, кто жил в пустыне, никогда не ошибется в этом, но...

Канадец продолжал, прервав авантюриста:

– Ну а когда вы случайно встречаете в саванне незнакомца, который обменивается с вами условленным заранее криком птицы или криком какого-нибудь животного, словом, звуком, по которому вы и ваши друзья узнаете друг друга, не говорите ли вы себе: «Этот человек из наших»?!

– Да, конечно!

– Вот так и я узнал этого ребенка в этом уже совершенно сложившемся мужчине, как узнали бы и вы прежний кустик в разросшемся дереве и прежний журчащий ручеек в могучем ревушем потоке. Я узнал его по фразе, которую я успел сказать ему перед трагической разлукой и которую он не забыл в течение целых двадцати лет!

– Так-то так! – заметил нерешительно Диас, видимо еще не вполне поверивший Красному Карабину, хотя честное и открытое лицо охотника невольно внушало доверие. – А все-таки... Вы ведь также узнали, – вдруг обратился он к Хосе, – в приемном сыне гамбусино Арельяно сына графини де Медиана?

– Да, – твердо отвечал тот, – надо было никогда не видеть в своей жизни графини, чтобы не признать его за сына этой женщины. Впрочем, пусть герцог д'Армада скажет нам, что мы лжем: кому же, как не ему, судить об этом!

Но дон Антонио был слишком горд, чтобы так явно лгать, и потому не мог отрицать истины, не уронив своего достоинства в глазах обвинителей.

– Это правда, – проговорил он, – Фабиан мой племянник, я не могу этого отрицать!

Диас молча склонил голову и вернулся на прежнее место.

– Вы слышали, – произнес Фабиан, – я – сын графини де Медиана, убитой этим человеком; следовательно, мне принадлежит право отомстить за нее. А как гласит об этом закон пустыни?

– «Око за око»! – начал Красный Карабин.

– «Зуб за зуб»! – добавил Хосе.

– И «кровь за кровь»! – довершил Фабиан. – «Смерть за смерть»!

С этими словами он поднялся со своего места и, обращаясь к дону Антонио, медленно отчеканивая каждое слово, продолжал:

– Вы пролили кровь и причинили смерть. С вами поступят точно так же! Такова воля Бога!

Затем Фабиан достал из ножен свой кинжал; в этот момент солнце заливало своими утренними лучами пустыню и все окружающие предметы, бросавшие от себя длинную тень. Ярким лучом сверкнуло в руке молодого де Медиана обнаженное лезвие кинжала, перед тем как он вонзил его в почву. Тень от кинжала значительно превышала настоящую его длину.

– Само солнце, – воскликнул молодой человек, – измерит, сколько времени еще остается вам жить! Когда тень от этого кинжала исчезнет, вы предстанете перед Верховным судьей, а мать моя будет отомщена!

Мертвая тишина воцарилась после последних слов Фабиана, который под гнетом самых тягостных мыслей и впечатлений опустился на каменную плиту и, низко склонив голову, замолчал.

Красный Карабин и Хосе продолжали сидеть на своих прежних местах; все, и судья и приговоренный, оставались совершенно неподвижны. Теперь Диас понял, что все кончено; он не хотел присутствовать при исполнении приговора, это было свыше его сил. Честный искатель приключений подошел к дону Антонио и, склонив перед ним колено, взял его руку и запечатлел на ней долгий, почтительный поцелуй.

– Я буду молиться о спасении вашей души! – сказал он вполголоса, а затем, помолчав немного, добавил: – Сеньор герцог д'Армада, разрешаете вы меня от клятвы, которую я принес вам?

– Да, – сказал твердым голосом дон Антонио, – идите, и да благословит вас Бог за вашу преданность и честность!

Диас поднялся на ноги и молча удалился. Лошадь его оставалась неподалеку от этого места; он подошел к ней, отвязал ее и, ведя на поводу, медленно, будто нехотя, направился в сторону речной развилки. Отойдя на сотню футов, мексиканец остановился, сел на обломок скалы и стал наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Солнце продолжало двигаться своим обычным путем, и тень кинжала становилась с каждой минутой короче и короче. Бледный, но спокойный и покорный своей судьбе, обреченный граф де Медиана продолжал стоять. Погруженный в последнее предсмертное раздумье, он, казалось, не замечал ничего.

Фабиан нарушил воцарившееся молчание.

– Сеньор граф де Медиана, – проговорил он, обращаясь к осужденному и желая в последний раз дать ему возможность хоть как-то оправдаться, – через пять минут этот кинжал уже не будет давать тени!

– Мне нечего сказать о прошедшем, – ответил дон Антонио, – остается только позаботиться о будущем моего славного имени. Прошу вас не истолковывать в превратном смысле того, что я хочу сообщить вам: предупреждаю, что под каким бы видом я ни встретил смерть, она, во всяком случае, нисколько не страшит меня. Помните это, а теперь позвольте мне продолжать!

– Слушаю! – тихо сказал Фабиан.

– Вы еще очень молоды, Фабиан, и потому пролитая вами кровь будет тем дольше тяготеть на вас. К чему же пятнать так рано эту молодую жизнь, которая только что начинается для вас? Почему не следовать вам по тому новому пути, который нежданная милость Провидения открывает перед вами? Еще вчера вы были бедны и не имели семьи, – вот Бог дает вам семью и громадные богатства. Наследие ваших отцов не растаяло в моих руках, а, напротив, сильно преумножилось: я в течение этих двадцати лет сумел с честью и со славой носить громкое имя де Медиана и сделал его одним из самых известных и блестящих имен Испании и теперь готов возратить его вам со всем тем блеском и славой, какими я украсил это имя. Возьмите же его, я уступаю его вам с душевной радостью, потому что меня давно томило мое одиночество в жизни. Пусть все, что было некогда ваше и мое, вернется к вам, я буду этим счастлив, но не покупайте своего будущего благополучия ценою преступления, ценою убийства, которого не сумеет изгнать из вашей памяти, а еще менее стереть с вашей души бледный и обманчивый призрак справедливости и которое вы будете оплакивать всю жизнь до последнего вздоха!

– Судья не вправе прислушиваться к голосу своего сердца! Сильный своим беспристрастием и сознанием исполненного долга по отношению ко всему человеческому обществу, он может искренне жалеть виновного, но долг его и совесть требуют, чтобы он судил его по справедливости! – отвечал Фабиан. – В этой дикой пустыне эти двое людей и я являемся представителями человеческого правосудия. Попробуйте же опровергнуть тяготеющие на вас обвинения, дон Антонио, и, клянусь, более счастливым из нас двоих тогда окажусь я, а не вы! Я осудил вас с сердечным содроганием, но действовал так с полным сознанием, что я не вправе отказаться от той роковой миссии, какую возложило на меня само Провидение!

– Подумайте хорошенько о том, что я сказал вам, Фабиан, но помните, что я прошу у вас забвения, а не прощения. Благодаря этому полному забвению от вас самих будет зависеть, стать ли, в лице моего приемного сына, наследником несметных богатств и громкого имени де Медиана. После моей смерти все мои титулы и звания навсегда должны будут умереть вместе со мною, потому что я не имею наследников!

При этих словах мертвенная бледность покрыла лицо младшего из графов де Медиана, но, подавив в себе чувство родовой гордости и самолюбивого тщеславия, Фабиан закрыл свое сердце для этих мыслей. Он только взглянул на кинжал, воткнутый им в песок, и сказал спокойным, торжественным голосом:

– Сеньор герцог д'Армада, кинжал перестал отбрасывать тень!

Дон Антонио невольно содрогнулся, быть может, он вспомнил пророческую угрозу, которую двадцать два года тому назад бросала ему несчастная графиня де Медиана. А ведь она предрекла: «Даже в дикой пустыне Бог пошлет против вас обличителя, свидетеля, судью и палача, которые приведут в исполнение Его справедливую кару!»

Да, и обличитель, и свидетель, и судья, все были налицо; но кто же должен стать его палачом? Между тем это пророчество, по-видимому, должно было исполниться в точности...

Внезапно послышался шум в окрестных кустах, и оттуда вышел человек в промокшей до нитки одежде, весь в иле и в тине. То был Кучильо с карабином в руке. Никто из присутствующих не выказал при его появлении ни малейшего удивления: все были слишком погружены в свои тяжелые размышления. Но это не смутило нахального бродягу. Он подошел к ним с дерзостью, достойной восхищения.

– Карамба! Так вы поджидали меня? – развязно воскликнул он. – А я-то все продолжал свое купание, самое неприятное, какое только мне когда-либо приходилось испытывать, и все из опасения, что мое присутствие вызовет в вас неприятное для моего самолюбия удивление! – Кучильо не сказал, конечно, ни слова о своей экспедиции в горы. – Ну, могу вас уверить, вода в этом проклятом озере до такой степени холодна, что я, право, согласился бы подвергнуть себя и несравненно большему риску, чем вернуться к своим старым друзьям. Сеньор дон Эстебан и дон Тибурсио, теперь я снова к вашим услугам!

Тираду Кучильо встретило гнетущее молчание.

«Не повезло, – с досадой подумал авантюрист. – Мне здесь вовсе не рады!»

Тут бандит почувствовал, что оказался в положении зайца, который ищет спасения в стае гончих, тем не менее старался с честью выйти из этого неприятного положения с помощью своей обычной наглости и беззастенчивости.

Только старый охотник вопросительно взглянул на Фабиана, как бы спрашивая его, по какому поводу этот бесцеремонный субъект с мрачным лицом и бородой, облепленной тиной и илом, позволяет себе навязывать им свое непрошеное присутствие.

– Это – Кучильо! – пояснил Фабиан в ответ на вопросительный взгляд Розбуа.

– Кучильо, ваш достойный слуга, свидетель ваших храбрых деяний, кабальеро, – поклонился бандит. – Но я вижу, вы заняты, и мой визит, кажется, не ко времени. Поэтому я покидаю ваше общество.

И он сделал шаг назад.

– Если вы дорожите вашей головой, то останьтесь здесь, сеньор Кучильо, – жестко приказал Розбуа, а Хосе подошел к авантюристу и бесцеремонно выхватил из его рук карабин.

«Я им нужен, – подумал Кучильо. – Выходит, лучше поделиться с ними, чем не получить ничего! Право, эта долина как будто заколдована!»

– Вы позволяете мне остаться, сеньор? – спросил он у канадца и обратился к дону Антонио: – Надеюсь, вы не возражаете...

Повелительный жест Фабиана не дал ему договорить.

– Молчите, сеньор! Не нарушайте последних мыслей христианина, готовящегося к смерти!

Фабиан выразительно взглянул на кинжал, который, как мы сказали, уже не давал тени, и снова обратился к дяде:

– Граф де Медиана, в последний раз спрашиваю вас, скажите мне, во имя спасения вашей души, во имя того славного имени, которое оба мы носим, во имя вашей чести, виновны вы или невинны в убийстве моей матери?

Но дон Антонио отвечал, не смущаясь и не падая духом:

– Я ничего не скажу вам, ибо не признаю за вами права судить меня!

– Так пусть же всевидящий Господь будет мне судьей! – торжественно воскликнул Фабиан и, отозвав Кучильо немного в сторону, сказал ему вполголоса: – Над этим человеком свершился суд, правдивый и беспристрастный, и в качестве представителей судебной власти и человеческого правосудия здесь, в пустыне, мы поручаем вам исполнение над ним состоявшегося приговора. За исполнение обязанности палача вы будете вознаграждены всеми сокровищами, какие заключает в себе эта долина: все это мы отдаем вам!

– Карамба! – воскликнул бандит с заблестевшим от алчности взглядом. – Несмотря на всю свою совесть, известную здесь всем и каждому, я не могу не признать, что это очень приличное вознаграждение; я не стану с вами торговаться, и в случае, если бы у вас возникла надобность еще в подобной же услуге, то прошу не стесняться: я всегда готов к вашим услугам и сделаю это просто из дружбы, так сказать, сверх счета!

Сказанное нами выше, вероятно, вполне объясняет неожиданное появление здесь Кучильо. Отъявленный негодяй выбрался из озера в то время, пока разыгрывался пролог драмы, участником которой он стал теперь. Встреча с Барахой и Ороче на горной тропе снова навела его на прежнюю мысль пристать к победителям. Вообще говоря, он видел, что дело принимает сравнительно лучший оборот, чем он ожидал.

Но вместе с тем он отлично осознавал всю щекотливость своего положения, сопряженного с предложенной ему обязанностью палача по отношению к человеку, знавшему о всех его преступлениях: дон Антонио буквально несколькими словами мог предать его в руки беспощадных судей. Хитрый бандит сразу понял, что для собственного спасения ему необходимо воспрепятствовать дону Антонио сказать о нем что-либо. С этой целью он решил прежде всего как-то принудить испанца молчать и, улучив удобную минуту, шепнул ему на ухо:

– Не бойтесь ничего... я с вами!

Участники разыгравшейся сцены продолжали хранить молчание. Фабиан опустил голову в задумчивости, лицо его было так же бледно, как у осужденного. Розбуа с нарочитым бесстрашием наблюдал за происходящим. Хосе же не скрывал своего удовлетворения, однако был мрачен. И только Кучильо переполняла радость: он был готов пожертвовать чем угодно, взять на душу любой смертный грех, не говоря уже о привычном для него убийстве, лишь бы обогатиться.

«Черт побери! – думал авантюрист, беря из рук Хосе свой карабин и одновременно успокаивая дону Антонио доверительным жестом. – Вот случай, который и самого ариспского алькальда заставил бы лопнуть от злости, ибо ему пришлось бы даровать мне прощение! Я безнаказанно избавлюсь от опасного свидетеля благодаря чужой воле и руке Провидения!» И он подошел к дону Антонио.

Бледный, с блестящими от возбуждения глазами, испанец оставался неподвижен. Он так и не понял, будет ли Кучильо его спасителем или палачом, не сумев в смятении чувств разгадать подлую душонку этого проходимца. Он лишь сказал:

– Мне много лет назад было предсказано, что Бог покарает меня смертью в пустыне! Теперь исполняется это предсказание. Но Бог посылает мне еще высшее оскорбление – смерть от руки этого негодяя! Сеньор Фабиан, вам я прощаю: по-своему вы, может быть, и правы... но дай-то Бог, чтобы этот бандит не стал и для вас таким же роковым, как для вашего дяди!

В этот момент истошный крик, крик ужаса, изданный Кучильо, заглушил последние слова дону Антонио.

– К оружию! К оружию! – кричал он. – Индейцы!

Последовали мгновения общего замешательства: Фабиан, Красный Карабин и Хосе кинулись за своими ружьями; воспользовавшись этим, Кучильо ринулся на донна Антонио, который, выпрямившись во весь рост, окидывал взглядом окрестность, нигде не видя неприятеля, и два раза вонзил ему свой нож по рукоятку в горло.

Несчастный Медиана упал, обливаясь кровью. Дьявольская улыбка скользнула по губам Кучильо: дон Антонио унес с собой в могилу его тайну.

Глава XV. Суд божий

Неожиданное убийство привело всех в негодование. Забыв, что бандит, в сущности, только ускорил приведение в исполнение произнесенного над графом де Медиана приговора, Фабиан накинулся на него.

– Несчастный! – крикнул он, замахиваясь на бандита прикладом ружья.

– Ну, ну, успокойтесь! – говорил Кучильо, отстраняясь от удара, тогда как Хосе, более склонный к некоторой снисходительности по отношению к убийце дона Антонио, его закланного врага, кинулся между ними. – Вы горячитесь, как степной жеребенок, и при каждой возможности готовы боднуть, как молодой бычок. Индейцев нет и в помине; они теперь слишком заняты в другом месте! Это была просто маленькая военная хитрость с моей стороны, чтобы скорее оказать вам важную услугу, которой вы требовали от меня! Не будьте же неблагодарны!

– Что сделано, то сделано! – вмешался бывший микелет. – Простить убийцу своей матери, дон Фабиан, – малодушие, а убить безоружного, беззащитного человека – преступление. С этим я должен согласиться, даже и после пяти лет тюрьмы и ссылки, а потому, как ни рассуждай, наш приятель Кучильо все же избавил нас от затруднительного решения этого вопроса. Теперь уж его дело разбираться со своей совестью. Что ты на это скажешь, Розбуа?

– С такими уликами, какие у нас имелись против него, любая судебная палата приговорила бы его к смертной казни! Индейцы по своим законам правосудия также не пощадили бы его. Сам Бог пощадил нас, не дав пролить кровь белого человека и единоверца. Вот почему и я, как ты, Хосе, говорю: да, это дело Кучильо, и спасибо ему, что он избавил нас от необходимости выступить в роли палачей.

– Господи! – сокрушенно воскликнул Фабиан. – Ведь я все-таки надеялся найти возможность простить его!

Между тем, окинув взглядом, полным холодной ненависти, бездыханное тело того, кто уже не мог выдать его тайны, Кучильо философски заметил:

– И что такое, в самом деле, жизнь человеческая? От каких пустяков зависит она! Ведь пятнадцать лет назад я остался жив лишь благодаря тому, что не нашлось поблизости какого-нибудь дерева!

Затем он обратился к Фабиану:

– Итак, я оказал вам серьезную услугу, и вам волей-неволей приходится, дон Тибурсио, признать себя моим должником! Вы не отказываетесь от данного слова?

– Нет, – презрительно уронил Фабиан, – цена крови сполна будет выплачена вам: берите все золото долины!

– В уме ли вы? – воскликнул испанец. – Этот проходимец убил бы его с радостью и задаром!

– Вы – Бог! – восхищенно воскликнул Кучильо. – И цените мою совесть по справедливости. Как! Неужели все это золото мое?

– Все, все, до последней крупинки! – раздраженно сказал Фабиан. – Я не желаю иметь ничего общего с вами, даже золота!.. – И он сделал знак Кучильо, что тот может отправляться.

Бандит вместо того, чтобы пройти сквозь заросли хлопчатника, направился прямо к скальному выступу, за которым в лощине была привязана его лошадь.

Спустя несколько минут он вернулся уже без винтовки, неся с собою свое серапе. Он отстранил сплетавшиеся между собою ветви, преграждавшие вход в Золотую долину, и вскоре скрылся из вида.

Стоявшее теперь в зените солнце заливало ослепительным светом и дробилось тысячами искр на золоте, рассеянном по дну долины. Дрожь пробежала по жилам Кучильо при виде этих несметных богатств.

С искрящимся взглядом он походил на койота, попавшего в овчарню и останавливающегося в нерешительности, на какой жертве остановить свой выбор. Блуждающим взором пожирает он золотые самородки, рассыпанные у его ног. Еще немного – и он, кажется, стал бы кататься в этом золотиносном песке в порыве безумной радости.

Вскоре, однако, он овладел собой и, немного успокоившись, разостлал на песке свое серапе. Видя полную невозможность унести все, он стал осматривать испытующим взором рассыпанные кругом сокровища, соображая, на чем именно остановить свой выбор.

Тем временем дон Педро Диас, расположившись на некотором расстоянии и внимательно следивший за всем происходившим, видел всю, до мельчайших подробностей, тяжелую сцену последних минут герцога д'Армады.

Он медленно поднялся со своего места и направился в сторону наших друзей, как бы с трудом передвигая ноги, мрачный, как Божия кара, орудием которой ему суждено было стать в самом близком будущем.

Подойдя ближе, он посмотрел полным невыразимого, глубокого горя взглядом на герцога д'Армаду и печально проговорил:

– Я не осуждаю вас, так как на вашем месте и сам поступил бы точно так же: одному Богу известно, сколько индейской крови я пролил, чтобы только утолить свою жажду мести!

– О, это все равно что святую воду пить, дон Педро, – заметил Красный Карабин, проводя рукой по своим густым седым волосам, и окинул благородного искателя приключений доброжелательным взглядом. – И Хосе и я также можем сказать, что и мы, со своей стороны...

– Я вас не осуждаю, сеньоры, – продолжал Диас, – но я скорблю, горько оплакивая случившееся, потому что я был свидетелем того, как на моих глазах пал человек с твердой душой, человек, державший в своих руках всю будущность Соноры, пал от руки негодяя, святотатственно разбившего орудие, избранное Богом для возвеличения моей несчастной родины! Я хочу предать убийцу в ваши руки! Судите его: он пролил много невинной крови!

– Что вы хотите этим сказать, сеньор Диас? – спросил Фабиан. – Неужели Кучильо...

– Этот изменник, дважды пытавшийся убить вас, кабальеро, первый раз в асиенде Дель-Венадо, а затем в соседнем с ней лесу, и привел нас сюда!

– Так это Кучильо продал вам тайну долины? О, я был почти уверен в этом. Но, дон Педро, вы точно знаете о сделке?

– Вполне! Покойный дон Эстебан рассказывал мне, каким образом этот негодяй узнал о существовании здесь этих богатейших россыпей. Убив своего товарища, который первый случайно напал на них, он сделался единственным обладателем тайны. Ну а теперь, если вы считаете, что человек, дважды покушавшийся на вашу жизнь, заслуживает строгой кары, то уж решайте сами!

С этими словами Педро Диас стал подтягивать подпругу седла, намереваясь окончательно уехать.

– Простите, кабальеро, – сказал Фабиан, – еще одно слово! Не знаете ли вы, давно у Кучильо серая лошадь, что припадает на левую переднюю ногу?

– Да уже более двух лет, как я слышал от него самого!

Последняя сцена прошла незамеченной для бандита. Сплошные заросли хлопчатников совершенно скрывали от него все происходившее; кроме того, он был настолько поглощен созерцанием своих сокровищ, что не мог отвести глаз и не видел и не слышал ничего вокруг себя.

Растянувшись на песке, он ползком двигался между бесчисленных самородков, которыми здесь была густо усеяна почва. Он уже начал нагружать ими разостланный на земле серапе, когда Диас окончил свое обличение.

– Что за роковой день сегодня! – воскликнул Фабиан, в душе которого последняя фраза Диаса не оставляла более места сомнению. – Что же я должен сделать с этим человеком? Вы

оба знаете, как он поступил с моим приемным отцом, посоветуйте мне, друзья, что мне с ним сделать? У меня нет уже больше сил, нет решимости! Этот день принес мне слишком много потрясений.

– Неужели негодяй, задушивший твоего отца, заслуживает больше снисхождения, чем благородный гранд, убивший твою мать? – спросил канадец.

– Вашего отца он убил или кого-либо другого, все равно: этот негодяй вполне заслуживает смерти! – проговорил Диас, вскочив в седло. – Я предаю его в ваши руки, сеньор: поступите с ним, как того требует справедливость!

– Я с глубоким сожалением расстаюсь с вами, сеньор Диас! – сказал Розбуа. – Человек, который, как вы, является ярким и непримиримым врагом индейцев, был бы для меня желанным товарищем.

– Долг заставляет меня вернуться в лагерь, который я покинул ради несчастного покойного дона Эстебана! – отвечал искатель приключений. – Но есть две вещи в мире, которых я никогда не забуду: это ваше благородное великодушие как победителей, и та клятва, которую я принес вам, – никому не открывать тайны Вальдорадо!

Диас махнул рукой на прощание и поскакал к развилке Рио-Хилы, размышляя о возможности примирить или, вернее, сочетать святость данного слова с заботами о безопасности и успехе экспедиции, начальство над которой он должен был принять после покойного дона Эстебана.

Вскоре охотники потеряли его из вида.

В то время как Диас удалялся, другой всадник, невидимый для наших друзей, тоже направлялся вдоль одного из рукавов реки в мексиканский лагерь: то был Бараха. Последний, под свежим впечатлением низких страстей, заставивших его пожертвовать своим товарищем и решиться на страшное дело, с неудовлетворенным чувством все более и более разгоравшейся в нем алчности к наживе, решился наконец разделить с товарищами добычу и теперь скакал во весь опор за подкреплением, отнюдь не ожидая, что в лагере его встретят огнем и мечом.

Солнце уже поднялось высоко и освещало в долине только Кучильо, с жадностью склонившегося над своей золотой жатвой, и трех охотников, державших совет между собою о судьбе Кучильо. Узнав мнение канадца, Фабиан захотел выслушать и Хосе. Тот высказался еще решительнее.

– Дон Фабиан, вы поклялись вашей приемной матери на ее смертном одре покарать убийцу Маркоса Арельяно. Сдержат клятву – ваш священный долг. Убийца в ваших руках – действуйте! – Заметив смятение в глазах молодого человека, испанец решительно добавил: – Если вам претит это дело, я готов сам взяться за него.

Хосе подошел к живой изгороди, скрывавшей их от бандита, и раздвинул ветви кустарника.

– Сеньор Кучильо, – крикнул он, – на пару слов!

Но бандит, до безумия ослепленный видом искрившегося под лучами солнца золота, ничего не слышал. Его скрюченные пальцы рыли песок с рвением голодного шакала, вырывающего труп.

Только когда его окликнули в третий раз, он повернул голову и, обратив к Хосе разгоряченное работой лицо с блуждающими глазами, поспешно закрыл инстинктивным движением почти бессознательного недоверия одним концом серапе набранную им грудку золота.

– Сеньор Кучильо, – продолжал испанец с едким сарказмом, которого бандит, впрочем, не заметил. – Я вот услышал полчаса назад от вас одно чрезвычайно мудрое высказывание. Оно меня поразило глубиной мысли и дало самое лестное представление о вас и вашем характере.

– А-а... – пробормотал Кучильо, – вот и этому тоже понадобились мои услуги! Эти люди начинают становиться нескромными... Впрочем, они хорошо платят, надо отдать им должное! – добавил он, утирая лоб, с которого градом катился пот. – Мудрое изречение! – про-

говорил он уже вслух, небрежно отбрасывая в сторону горсть золотоносного песка, который всюду, кроме только этой долины, составил бы счастье любого искателя золота. – Какое? Я часто говорю несравненно более мудрые вещи и почти не замечаю их. У меня вообще философский склад ума!

– Я вам напомню. Вы сказали: «И что такое, в самом деле, жизнь человеческая! От каких пустяков зависит она! Ведь пятнадцать лет назад я остался жив лишь благодаря тому, что не нашлось поблизости какого-нибудь дерева!» Так вы высказались, сеньор?

– Весьма возможно! – отозвался Кучильо рассеянно. – Я действительно долго предпочитал кусты, но теперь давно уже успел примириться даже с высокими большими деревьями. Да, собственно говоря, почему вы спрашиваете меня об этом? – с нетерпением спросил он.

– Да так, из любопытства, – небрежно уронил Хосе, – а скажите, как это вы так быстро нашли Золотую долину, когда мы искали, искали ее?!

– Дело случая! – хладнокровно отвечал бандит с наглой улыбкой. – А может быть, – с лицемерным смирением прибавил он, – и само Провидение указало мне ее: ведь, нужно вам признаться, я думаю пожертвовать все это золото на богоугодные дела!

– Благое дело! – глубокомысленно произнес Хосе, но не мог удержаться от улыбки, тут же замеченной бандитом.

– Во всяком случае, – снова начал он, – каким бы образом я ни отыскал долину, все золото теперь мое: я честно заработал его убийством, а, нужно заметить, я не убиваю даром. Впрочем, – продолжал он, видимо, обдумывая что-то, – я не эгоист и готов поделиться с вами своим счастьем. Знаете что? Здесь есть в одном месте громаднейшая глыба золота, ей цены нет! Я дарю ее вам!

– Спасибо! – добродушно отвечал Хосе. – А где находится это сокровище?

– Там, вверху! – проговорил Кучильо, указывая на вершину пирамиды.

– Там, на вершине, возле пихт над обрывом? Ах, сеньор Кучильо, укажите, где точно следует искать?

Бандит не очень-то хотел расставаться со своим грузом, но, решив поскорее отделаться от «беспокойного человека», как он мысленно называл Хосе, поплелся на вершину холма. Хосе направился за ним, показав знаком Фабиану и Розбуа, чтобы они по приглашению бывшего солдата взбирались следом.

– Никто не уйдет от своей судьбы, – говорил Хосе догнавшему его Фабиану, – смотрите, этот бездельник глазом не моргнет! Как бы то ни было, но помните, что вы клялись отомстить за смерть вашего приемного отца! Еще тут не расчувствуйтесь!

– Не беспокойся! – твердо проговорил Фабиан, нерешимость которого теперь совсем исчезла. – Пусть и с ним поступят так, как он поступал с другими!

И трое неумолимых людей появились на вершине пирамиды, где Кучильо их уже поджидал.

При виде строгих и суровых лиц тех, кого он имел столько оснований опасаться, в душе Кучильо снова зароились прежние опасения. Тем не менее он старался сохранить свой апломб и не падать духом раньше времени.

– Вот смотрите, видите? – сказал он, указывая на водопад. – Вон там в скале!

При этом он указал рукой на то место, где раньше искрилась та громадная глыба золота, которой овладел Ороче и от которой осталась лишь выемка в скале.

Жадный взгляд бандита тотчас же заметил исчезновение самородка, – и крик сдерживаемой ярости едва не вырвался у него из груди. Но никто из его судей не глядел на водопад. Фабиан взглянул на Кучильо – и под его взглядом кровь застыла в жилах бандита.

– Кучильо, – проговорил молодой человек. – Вы однажды не дали мне умереть от жажды и этим оказали услугу человеку, который не отплатил вам за то неблагодарностью: я простил вам тот удар кинжалом, которым вы ранили меня в саду асиенды Дель-Венадо; простил вам

и новые покушения на мою жизнь близ Сальто-де-Агуа; мало того, я простил вам еще и тот выстрел, который только вы могли направить в нас с вершины этой пирамиды! Я простил бы вам все дальнейшие попытки подобного рода, которые клонились к тому, чтобы лишить меня той жизни, которую вы некогда сохранили мне. Я не только простил вас, а еще вознаградил более чем по-королевски за исполнение того приговора, который был утвержден на нашем суде! Но у вас на совести есть еще одно преступление, которого вам и ваша совесть не могла простить!

– О, с совестью-то своей я постоянно живу в ладу! – возразил Кучильо с мрачно-любезной улыбкой, начиная уже чувствовать сильное беспокойство.

– Я говорю о том вашем друге, – продолжал Фабиан, – которого вы так предательски убили!

– Он оспаривал у меня мой выигрыш, и, говоря по чести, в тот раз выпито было очень много вина! – оправдывался Кучильо.

– Не прикидывайтесь, будто вы не понимаете меня! – гневно воскликнул Фабиан, раздраженный наглостью и нахальством этого негодяя.

Кучильо сделал вид, что старается что-то припомнить.

– Если вы говорите о Тию Томасе, то это дело никогда не было хорошо расследовано, однако...

Фабиан раскрыл уже рот, чтобы ясно сформулировать обвинение в убийстве Арельяно, когда Хосе неожиданно перебил его:

– Я очень бы желал узнать поподробнее историю о Тию Томасе. Быть может, сеньор Кучильо не найдет времени для составления своих мемуаров, что, конечно, стало бы невосполнимой потерей для человечества.

– Я, со своей стороны, дорожу возможностью доказать, что немногие могут похвастать такой чуткой совестью, как я, – сказал Кучильо, видимо польщенный комплиментом. – Так вот, как было дело: Тию Томас, мой закадычный друг, имел племянника, с нетерпением ожидавшего наследства после своего дядюшки, человека весьма зажиточного. Я получил от племянника сто песо и за эту сумму обязался ускорить время вступления его в права наследства. Это было, конечно, ничтожное вознаграждение за столь прекрасное наследство, и я пошел и предупредил о нашем заговоре Тию Томаса, который дал мне двести песо за то, чтобы я позаботился о том, чтобы его племянник никогда не смог ничего наследовать от него. Но здесь я оплошал, отправив на тот свет племянника, не предупредив его даже о том, как бы это следовало сделать. Вот тогда-то я и почувствовал, как неудобно иметь слишком чуткую совесть: деньги племянника положительно жгли мне руки и ложились упреком на мою совесть, я решил избавиться...

– От этих денег?

– Нет, от упрека, и с этой целью прибегнул к единственному средству, какое еще оставалось в моем распоряжении...

– То есть вы отправили и дядюшку своим чередом на тот свет?

Кучильо самодовольно поклонился.

– С тех пор, – сказал он, – я не чувствую ни малейшего упрека совести. Я честно заработал свои триста песо, исполнил все по уговору, как с тем, так и с другим!

Кучильо все еще улыбался, когда Фабиан неожиданно воскликнул:

– А сколько вам было заплачено за убийство Маркоса Арельяно?

При этом неожиданном обвинении мертвенная бледность мгновенно покрыла исказившиеся черты Кучильо. Теперь он уже не мог более ошибаться насчет грозившей ему участи. Повязка разом упала у него с глаз, – и сладостные обманчивые мечты, которыми он все время убаюкивал себя, сменились суровой действительностью.

– Маркос Арельяно?! – пробормотал он заикаясь. – Я не убивал его!

– Лжешь, негодяй, ты убил его! – гневно воскликнул Фабиан. – Ты задушил его у костра, а труп бросил в реку!

– Нет, нет! Кто вам это сказал?

– Кто сказал? – горько усмехнулся Фабиан. – Скажи лучше – указал!

– Кто, кто?!

– А кто указывает вакеро, где искать сбежавшую лошадь? Кто указывает индейцу, где скрывается неприятель? Кто указывает гамбусино, где природа прячет золото? Только вода не сохраняет следа проплывшего по ее поверхности челнока, да воздух не сохраняет след пролетевшей птицы. Но земля, земля хранит все следы! Тебе это так же хорошо известно, как и нам.

– Я не убивал! Не убивал я его, кабальеро! Клянусь Господом...

– Не богохульствуй! Повторяю тебе, ты – убийца. Ты оставил на земле следы своего преступления. Люди видели и прочли эти кровавые следы! А твоя припадающая на левую ногу лошадь и твоя хромота – о них тоже поведали следы, – все это неоспоримые свидетельства твоего преступления!

– Это не я! Не я! – упорствовал бандит.

– Бессмысленная ложь, Кучильо! Припомни-ка встречного вакеро! Ведь он узнал Арельяно! И разве не ты ехал рядом с ним на серой в яблоках лошади?

– Сжальтесь! Пощадите, сеньор Тибурсио! – взмолился Кучильо, подавленный этим внезапным открытием фактов, единственными свидетелями которых были он да Бог на Небесах. – Возьмите все золото, которое вы дали мне, но оставьте мне только жизнь, и я за это буду убивать всех ваших врагов, убивать их везде, повсюду и всегда, когда только представится случай, по первому вашему слову или взгляду... и задаром... даже отца родного я готов убить, если вы мне прикажете. Но, ради Господа всемогущего, ради солнца, которое светит нам всем, оставьте мне жизнь! Прошу вас только об одном, не лишайте вы меня жизни! – молил негодяй, ползая в ногах у Фабиана.

– И Маркос Арельяно, наверное, просил у тебя пощады, а ты разве пощадил его? – проговорил Фабиан, отворачиваясь от него.

– Но ведь я же убил его, чтобы единолично завладеть всем этим золотом, а теперь отдаю его все за свою жизнь! – продолжал он, отбиваясь от Хосе, который не давал ему обнять колени Фабиана.

С искаженным ужасом лицом, с пеной у рта и чрезмерно расширенными зрачками лишенных разума глаз, Кучильо все еще молил о пощаде, стараясь доползти до ног Фабиана. Незаметно для самого себя он очутился на самом краю обращенной к горам почти вертикально обрывающейся западной стороны пирамиды; позади него широкая полоса воды с шумом и ревом низвергалась вниз, пенясь и бурля.

– О, пощадите, пощадите! – молил он. – Прошу вас именем вашей матери, именем доньи Розариты, которая вас любит, я это знаю! Она вас любит – я это слышал...

– Когда?! – воскликнул Фабиан, бросаясь в свою очередь к Кучильо, но вопрос замер у него на устах: сорвавшись с края обрыва, благодаря легкому пинку ногой бывшего микелета, Кучильо полетел в пропасть с раскнутыми руками.

– Что ты наделал, Хосе? – воскликнул Фабиан.

– Этот негодяй, – презрительно сплюнув, проговорил бывший микелет, – не стоил ни веревки, ни заряда пороха!

Душераздирающий вопль на мгновение заглушил даже рев водопада. Фабиан вытянул вперед голову, чтобы взглянуть в пропасть, и тотчас же откинулся назад, охваченный ужасом: уцепившись за ветки куста, подававшегося под его тяжестью, так как корни, едва державшиеся в расщелине скалы, мало-помалу обрывались, Кучильо висел над пропастью и положительно был от смертельного ужаса, леденившего кровь в его жилах.

– Помогите! Помогите! – кричал он задыхающимся, полным самого безнадежного отчаяния голосом. – Помогите, если в вас есть хоть что-нибудь человеческое!..

Все трое, стоявшие на вершине пирамиды, обменялись взглядами, передать которые нельзя никакими словами. И каждый стал утирать холодный пот со лба.

Неожиданно мольбы бандита разом оборвались и сменились диким, истерическим, каким-то безумным хохотом, от которого невольно мурашки бежали по коже. То был хохот помешанного; затем донеслось еще несколько бессвязных слов, – и все смолкло. Теперь один грохот водопада тревожил тишину мрачной пустыни. Бездна поглотила свою жертву, смерть взяла наконец того человека, вся жизнь которого являлась сплошным рядом разных преступлений и злодеяний.

– Хосе! – горестно воскликнул Фабиан. – Ты лишил суд человеческий его священного права – сознательно покарать преступника!

– Ничего! Наверно, суд Божий над этим негодяем будет еще ужаснее! – заявил испанец.

Глава XVI. Внутренний голос

Тени незаметно начинали удлиняться по мере того, как солнце склонялось к западу, и под его косыми лучами золотиносная россыпь отбрасывала лишь местами бледный отблеск. Скоро беспредельным пустыням предстояло потонуть во мраке, объатым темным покровом южной ночи.

Нашим друзьям предстояло исполнить еще один священный долг – похоронить несчастного дона Антонио де Медиана. Розбуа и Хосе приняли это на себя; они донесли его тело на руках до вершины пирамиды и схоронили его в могиле индейского вождя. Суеверие, окружившее ореолом святости и таинственности это место, служило порукой, что тело убитого не будет потревожено индейцами, а громадные камни, заваливавшие вход в могилу, делали ее недоступной для хищных птиц.

– Что же мы будем делать теперь? – спросил Хосе, обращаясь к Фабиану, когда они снова спустились с холма.

Но тот, подавленный всеми ужасами этого дня, молчал, печально опустив голову.

– Дитя мое, – вмешался тогда Красный Карабин, – вспомните, что все это золото принадлежит вам. Это – ваше наследие, оставшееся вам после вашего покойного приемного отца. Мы унесем отсюда все, что только позволят силы. Хосе, давай скорей приниматься за дело, – добавил канадец, обращаясь к испанцу, который задумчиво вглядывался в пустынную даль. – Мы и так потеряли много драгоценного времени!

– Не спешите, друзья, – тихо вымолвил наконец молодой человек. – Если вы ничего не имеете против, то мы проведем эту ночь здесь: мне надо собраться с мыслями. Страшные удары, которые пришлось испытать мне, совершенно смутили меня, и я хочу все спокойно обдумать и тогда уже решить, что делать и как поступить. Завтра я сообщу вам о своем решении.

– Только завтра? – удивленно спросил Красный Карабин.

– Да, теперь уже поздно пускаться в обратный путь! – продолжал Фабиан без дальнейших пояснений.

– Пусть будет так! Я не стану противоречить. Лишний день, проведенный с вами в пустыне, без сомнения, дорог для меня. Знаешь, Хосе, я того мнения, что нам следует разбить наш лагерь там, на вершине холма!

– Да, – сказал Фабиан, – быть может, близость человека, который теперь покоится подле праха индейского вождя, послужит мне хорошим уроком, которым я не премину воспользоваться.

Тем временем солнце спускалось все ниже и ниже. Трое друзей медленно взбирались на вершину пирамиды. Отсюда открывался вид на далекое пространство. Пустыня была безмолвна и неподвижна, только стая коршунов кружила и летала над лошадьёю дона Эстебана, напоминая о кровавой драме, разыгравшейся здесь еще так недавно.

– Думается, мы сглумим, если останемся здесь на ночлег! – неожиданно заметил Хосе, все время озабоченно вглядывавшийся в окрестности.

– Почему? Где мы найдем более неприступную и надежную позицию, чем эта возвышенность? – спросил канадец.

– Не забывайте, что мы выпустили из рук двух негодяев, злоба которых может сыграть с нами довольно неприятную штуку. Правда, один из них, наверное, погиб, как мы сами видели, но другой-то, конечно, вернулся в лагерь, и весьма возможно, что нам сегодня же вечером еще придется отбиваться от шестидесяти таких же мерзавцев!

– Я так не думаю! – возразил Розбуа. – Тот, кто на наших глазах полетел в пропасть, наверное, свалился туда не случайно. Я готов поручиться, что товарищ столкнул его туда именно

для того, чтобы остаться единственным обладателем этой тайны. А вы понимаете, что если он не желал разделять ее с одним другом, то уж, конечно, не будет созывать шестьдесят жадных коршунов на ту добычу, которую считает своей. Скорее всего, вместо того чтобы вернуться в лагерь, этот негодяй в настоящее время притаился в каком-нибудь ущелье и выжидает своего часа. Когда ночная мгла укроет долину, мы увидим, как он будет бродить вокруг золотых россыпей, подобно голодному койоту вокруг той падали, что осталась там.

Канадец не ошибался в своих предположениях, во всяком случае, в том, что касалось участи Ороче.

– Все это весьма возможно, – говорил Хосе, – тем не менее я продолжаю держаться своего мнения. Пока у нас в распоряжении еще остается часа два времени до наступления темноты, нам следовало бы захватить фунтов тридцать-сорок самородков, что весьма нетрудно, и, если не ошибаюсь, представит собою довольно кругленькую сумму. А затем следует скакать всю ночь по направлению к Тубаку. Кроме того, мы могли бы устроить здесь где-нибудь тайник и схоронить в нем золото, а затем в другой раз вернуться сюда и набрать новый запас...

– Ручаюсь, что этот бездельник не поехал в лагерь; это вовсе не входит в его расчеты, – продолжал Красный Карабин, – кроме того, вероятно, завтра утром мы покинем эти места.

– Ну а того беднягу, что мы оставили там до завтра, захватим с собою?

– Но если бы мы последовали за вашим другом, то нам пришлось бы отложить это дело еще на больший срок. Я готов поручиться, что он, вследствие лихорадки, целый день проспал как сурок! – сказал Красный Карабин. – Там он в надежном месте, вода у него тоже есть. До завтра мы не сумеем ничего сделать для него, а потому я того мнения, что его следует оставить на прежнем месте. Это, быть может, и тяжело, – добавил канадец, понижая голос, – но, как вы сами понимаете, необходимо, чтобы он не знал если и не о близком существовании сокровища, то, во всяком случае, хоть о точном его местонахождении. Впоследствии мы вознаградим его за это вынужденное обстоятельством нерадение о нем, вручив ему несколько золотых самородков, а затем мы... Ах, вот в чем затруднение! Что мы сделаем с ним?

– Ну, об этом мы еще будем иметь время подумать! – проговорил Хосе. – А пока, раз уж мы приняли решение провести здесь ночь, то не худо бы поглядеть, нет ли чего подозрительного. Пойти разве мне посмотреть?

И, не дожидаясь ответа канадца, бывший микелет, закинув ружье за плечо, удалился. Полчаса спустя он уже возвратился обратно. За это время он сумел напасть на следы Барахи и Ороче в горах, но не счел нужным проследить их особенно далеко. Затем он взобрался на ту скальную гряду, под прикрытием которой эти авантюристы укрылись от выстрелов охотников.

– Вершина гряды поросла таким густым кустарником, – говорил бывший микелет своим друзьям, – вы сами можете это видеть отсюда, что пять-шесть человек, забравшись туда, могут сильно навредить нам, оставаясь под надежным прикрытием. Я того мнения, что было бы разумно оставить эту позицию и занять ту, как, безусловно, более надежную и выгодную!

Замечание Хосе казалось разумным. Но одно серьезное соображение помешало канадцу согласиться с ним: дело в том, что в случае, если бы им пришлось выдержать осаду, здесь водопад был настолько близко, что они могли всегда добыть воды с помощью манерки², привязанной к длинной ветке. Это было весьма важным условием, так как под палящим небом этих стран свежая вода несравненно важнее, чем пища.

Учитывая это обстоятельство, охотники к общему согласию решили заночевать на вершине пирамиды и отправиться в обратный путь около четырех часов утра.

Канадец не забыл появившейся вдали лодки с таинственными пловцами, которую он видел в это утро. Кроме того, он не обманывался и насчет того, что фантазия провести здесь ночь была опасна, так как слухи об этой местности, по всей вероятности, должны были рас-

² Манерка (от польск. manjerka) – походная металлическая фляжка с навинчивающейся крышкой в виде стакана.

пространиться так или иначе в лагере искателей золота. Но для почтенного канадца достаточно было знать, что таково желание обожаемого ребенка, чтобы без дальнейшего рассуждения подчиниться ему.

В общей сложности площадка индейской могилы была несколько возвышеннее вышеупомянутой гряды скал. Подняв на ребро две громадных плоских самородных плиты, которыми так изобиловала эта местность, и добавив таким образом два новых зубца к тем, которые воздвигла сама природа на вершине этой усеченной пирамиды, наши охотники очутились в таком ретраншементе³, где они были в сравнительной безопасности от выстрелов.

Когда эти меры предосторожности были приняты, канадец окинул всю местность спокойным, удовлетворенным взглядом. Их запасов свинца и пороха было более чем достаточно, а в остальном старый охотник полагался на свою счастливую звезду, беззаветную храбрость и мужество, на свой меткий глаз и ту удивительную находчивость и изобретательность в критические моменты, которые уже столько раз спасали его от неминуемой, казалось, гибели.

– А теперь, прежде чем расположиться на ночлег, следует перекусить! – проговорил Хосе. – Не найдется ли там у вас в сумке еще кусочка сушеного мяса, Розбуа? Что касается моих запасов, то у меня едва найдется несколько крох, которых даже и подобрать-то нельзя!

При тщательном осмотре всех съестных припасов оказалось, что кроме пиноля⁴, которого могло бы хватить еще на двое суток, вяленой оленины не хватило бы и ребенку на ужин.

Поскольку Фабиан заверил, что ему вполне достаточно горсти пиноля, Хосе и Розбуа решили удовольствоваться остатками мяса.

Уничтожая свой «роскошный» ужин, Хосе заметил:

– Со времени отъезда из Ариспы мы питаемся чертовски скудно! Всего один олень, остатки которого мы доедаем!

– Что ж прикажешь делать! В саванне не разведешь огня и не застрелишь оленя, когда захочешь, иначе выдашь свое присутствие и тебя застрелят!

– Так-то оно так, но горе первой же дичи, которая приблизится к нам на выстрел!

Солнце село. Сумерки, как обычно, длились считанные минуты, и ночь распростерла над саванной свой звездный полог. Туман ложился плотнее, а с гор повеяло холодом.

– Кто первый встанет на стражу? – спросил Хосе.

– Я, – вызвался Фабиан. – Мне все равно не до сна.

Понимая состояние юноши, Розбуа не перечил; он молча растянулся подле бывшего микелета, и вскоре оба охотника забылись крепким сном; Фабиан же, поплотнее завернувшись в серапе, обратился лицом на восток, откуда, главным образом, следовало ожидать приближения опасности.

Лишь изредка равнодушный взгляд молодого человека скользил по дну узкой долины. Лунные лучи скупо отражались от кварцевых зерен и занесенных песком самородков россыпи. В нескольких футах от подошвы пирамиды темнело пятно – груда собранного Кучильо золота. Снова никому не принадлежащее, оно лежало, прикрытое полой выцветшего от дождей и солнца серапе авантюриста...

Так прошло часа четыре. Канадец проснулся и, взглянув на бодрствующего Фабиана, сказал:

– Теперь ложись и поспи, дитя мое: молодым вредно недосыпать!

– Спать, говорите? А вас не настораживают такие звуки? – проговорил Фабиан, дотрагиваясь рукой до плеча охотника.

³ Ретраншемент (*фр.* retranchement) – военное вспомогательное укрепление для усиления внутренней обороны после захвата противником части расположенной впереди полевой позиции или долговременного укрепления.

⁴ Пиноль (*мекс.* pinol) – крупномолотая поджаренная кукурузная мука, смешанная с сахаром и корицей.

Действительно, с равнины жалобный вой доносился с того места, где пала лошадь дона Эстебана под пулей канадца. Неясные черные тени, казалось, меняли очертания в зыбком лунном свете.

– Это шакалы воют от досады, что не смеют наброситься на добычу, потому что их пугает присутствие человека. Может, не только мы стесняем их!

Отдаленные выстрелы, донесшиеся в этот момент до слуха наших друзей, подтвердили предположение канадца.

Как человек, привыкший делать выводы из малейших, казалось бы, даже не связанных между собой явлений и истолковывать должным образом каждый из звуков пустыни, старый охотник, прислушавшись чутким ухом к этим далеким выстрелам, тотчас же смог дать себе отчет в их значении.

– Мексиканцы, – уверенно заявил он, – опять схватились с апачами, но очень далеко отсюда! Что же касается койотов, то лишь мы мешаем им своим присутствием! Спи спокойно, мой мальчик! Никакая опасность не может грозить тебе, когда я на страже! Спи, ты очень устал и должен отдохнуть!

– Увы! – печально возразил Фабиан. – За последнее время все мои дни стали казаться мне годами, и потому я теперь, точно старик, имею право на бессонницу. Да и смогу ли я заснуть после сегодняшнего дня?!

– Каким бы ужасным ни был этот день, поверьте мне, сон непременно должен прийти, когда человек честно и мужественно исполнил свой долг! – сказал в утешение Красный Карabin. – Поверь опытности человека, суждения которого успели созреть среди полного одиночества!

– Попытаюсь! – проговорил Фабиан и улегся, в свою очередь, подле Хосе, который все еще спал непробудным сном. Вскоре, под влиянием реакции тех сильных потрясений, какие ему пришлось пережить, разбитый и физически и нравственно, молодой человек невольно поддался усталости, глаза его сомкнулись, и он заснул тем крепким, здоровым сном, которым отличается только молодость.

Глава XVII. Неожиданный вестник

Прошло полчаса, отдаленная перестрелка усилилась и разбудила только что уснувшего Фабиана. Хосе тоже проснулся и подошел к Розбуа.

– Что там?

– Послушай сам!

– То же самое мы слышали прошлой ночью на островке, – заключил спустя несколько мгновений испанец. – Однако эхо выстрелов как будто отдается по всей равнине! Вероятно, несчастные мексиканцы не сумели отстоять своего лагеря и теперь вынуждены спасаться бегством. В таком случае, практически каждый выстрел означает убитого, и апачи соберут обильную жатву скальпов. Беда, если индейцы их всех истребят, ведь близость лагеря авантюристов до сих пор способствовала нашим удачам. Напрасно мы остались здесь на лишнюю ночь! Напрасно!

Хосе не ошибался: лишь благодаря тому, что внимание апачей было целиком привлечено экспедицией дона Эстебана, охотникам удалось добраться до священной могилы.

Выстрелы становились как будто слышнее, и не исключалась возможность, что какой-либо незадачливый беглец привлечет сюда индейскую погоню.

– Будь их не более двух десятков, – сказал Розбуа, – никто из них не добрался бы до нас! Кстати, Фабиан, давно хочу тебе дать добрый совет, которым ты, надеюсь, не пренебрежешь. Уж слишком ты пылок в схватке, мой мальчик! Опасность словно опьяняет тебя, и ты становишься отважен до безумия. Однако заметь себе: неоглядная отвага так же легко может привести воина к гибели, как и нерешительность в бою. Бой требует не только напряжения всех физических сил, храбрости и даже ярости, но также трезвого расчета, смекалки и осторожности. Знаю, как трудно порой удержаться, чтобы не пустить в ход заряженное оружие. Тем не менее помни, нам следует стрелять по очереди, и третий должен непременно выждать, пока двое других не зарядят свои винтовки. В превосходстве этого маневра Хосе, к примеру, убедился не один раз. Таким образом, каждый из нас возьмет на себя шестерых противников, если же их будет больше – дело примет скверный оборот. Ведь после шести выстрелов ружейный ствол накаляется, в нем скапливается сажа, и пуля отклоняется от цели. Со мной такие переделки случались: целишь, бывало, в глаз, а попадаешь в лоб. Впрочем, тебе не следует быть столь щепетильным на сей счет, ты можешь целить в грудь, это хотя и не столь лестно для твоего самолюбия, зато надежно!

Пока Красный Карабин наставлял своего приемного сына, ружейная пальба начала отдаляться и вскоре смолкла.

– Свежеет, – продолжал канадец, – ветерок пахнет зеленью, и шакалы перестали кричать: значит, рассвет близок. Через полчаса в дорогу; выберем маршрут, когда рассветет. Чтобы не наткнуться на индейцев, необходимо разобраться в следах, а для этой цели рассветные часы самые благодатные – роса хорошо держит следы. Давайте-ка пока подкрепимся.

Когда охотники покончили со своим более чем скромным завтраком, состоявшим из горсти пиноля, Фабиан решил, что пора наконец доверить свои планы на будущее человеку, которого глубоко уважал, вновь успел полюбить и почитал как приемного отца.

– Дорогой отец! – начал Фабиан. – Розбуа! Это имя я неизменно всегда произношу с радостью и благодарностью. Вы жили и в больших европейских городах, и в диких краях, а потому можете судить и о тех и о других.

– Верно, в течение моей пятидесятилетней жизни я имел возможность сравнить блеск городов с великолепием саванн.

– Большие города с десятками тысяч людей, должно быть, представляют собой заманчивое зрелище, – мечтательно проговорил Фабиан. – Великолепие дворцов, красота площадей, многолюдье улиц! Каждый день что-то новое, необычное! Там приятно жить, Розбуа?

– Разумеется! – саркастически усмехнулся канадец. – Суэта городских улиц, где вечно спешащая толпа прохожих мешает пройти, где неумолкаемый шум экипажей оглушает и сбивает с толку, – все это прелестно! Конечно же, великолепны дома, в которых воздух и свет, щедро наполняющие просторы саванн, уделяются каждому по скупой мерке и в которых бедняк умирает с голоду на своем убогом ложе в то время, когда развратный мот дает роскошный обед для таких же, как он сам, бездельников...

Канадец внезапно умолк, осознав, что такими разглагольствованиями лишь сбивает молодого человека с толку, однако неожиданно для самого себя заключил:

– В общем, я не прочь провести остаток своих дней и в городе.

Хосе громко кашлянул, а Фабиан подумал, что не совсем понял Розбуа, и спросил:

– Неужели жизнь в лесу потеряла всю ту прелесть, которой вы неизменно восхищались?

– Как тебе сказать, – смущенно заметил Красный Карабин. – Это и в самом деле прекрасная жизнь, не будь человек вынужден каждую минуту быть готовым погибнуть от голода и жажды, не говоря уже о постоянной опасности лишиться скальпа под ножом индейца.

Хосе снова многозначительно кашлянул несколько раз.

– А, помнится, прежде, – удивился Фабиан, – ваши суждения, дорогой отец, несколько отличались от теперешних!

– Да не верьте вы ему, дон Фабиан! – не выдержал наконец Хосе. – Неужто человек, посвятивший себя охоте на выдр и бобров, ягуаров и пантер, предпочтет город саванне? Неужто вы не видите, что несчастный Розбуа старается разыграть ради вас эту жалкую комедию? Разве не ясно, что он решил, будто для молодого аристократа, каковым вы можете сделаться в Мадриде, было бы великой жертвой обречь себя на жизнь с такими лесными бродягами, как мы?

– Молчи, Хосе! – загремел гигант, вскакивая, точно внезапно выросший дуб.

– Ну уж нет! – упрямо продолжал испанец, обращаясь в основном к Фабиану. – Представляете себе Розбуа в городском доме, как в клетке? Разве такое мыслимо? Ведь он хочет намеренно обмануть вас, не будучи в состоянии обмануть себя! Ему нужен безграничный простор и возможность передвигаться свободно, подобно птице! Ему нужен воздух саванн, пропитанный благоуханием трав! Ему нужно порой слышать воинственный клич индейцев! Нет, нет, дон Фабиан, могучий лев не может умереть на соломе, как какой-нибудь лошак!

– И это правда, – горестно вздохнул Розбуа, понутив голову. – Но, по крайней мере, рука моего мальчика закрыла бы мне глаза! Я умер бы не в одиночестве!

– Черт подери, а я! – с жаром воскликнул Хосе, искренне тронутый печалью друга. – Разве я не с тобой? Я, который вот уже десять лет любит тебя как брата, сражается бок о бок с тобой и терпит все лишения и невзгоды? Разве я покину тебя?

И Хосе крепко сжал руку канадца.

– Да, друзья мои, – вмешался Фабиан, – за эту ночь я многое передумал. Страшная смерть двух белых, по нашему суду, дала мне урок, которого я не забуду до кончины! Я видел, как знатный и гордый испанский гранд встретил горькую, бесславную смерть здесь, в глухой пустыне, а корыстолюбивый бандит нашел могилу над грудой золота, возбуждавшими в такой мере его вожделения, что ради них он не гнушался никакими преступлениями. И что же им осталось в результате, чего они достигли?

Старый охотник поднял голову и взглянул на Фабиана с выражением не то нежности, не то робкого удивления, словно он не доверял своим ушам.

– Продолжай! – мог только он произнести слегка дрожащим голосом.

– Богатство, – продолжал Фабиан, – как я убедился, имеет цену лишь постольку, поскольку оно добыто собственным трудом. А какую ценой оно досталось мне? Имею ли я

нравственное право на него, да если и имею, что оно даст мне? Нет, это золото кажется мне теперь омерзительным, так как я вынужден был пролить кровь, чтобы воспользоваться наследием умерших, – и потому я не хочу дотрагиваться до него!.. Детство мое, как вы оба утверждаете, было окружено роскошью и богатством, но я забыл об этом, а помню лишь дни моего трудного детства, моей скромной юности в бедной семье. Теперь я один в своем роде и волен в своих поступках, и хотя, конечно, еще очень молод, но за мной лежат уже могилы, которые мне надо забыть! Дорогой мой отец, дорогой друг! Я прошу у вас как милости позволить мне остаться с вами, в бескрайних пустынях, чтобы разделить с вами опасности и радости вольной, независимой жизни, которую нельзя заменить ничем. Скажите же мне, Розбуа, скажи, Хосе, вы оба хотите этого?

– Черт возьми! Хочу ли я?! – воскликнул бывший микелет голосом, которому он старался придать оттенок насмешливости, как делал всегда, когда хотел скрыть овладевшее им волнение. – Конечно, хочу!

– А вы, отец мой, почему вы молчите? – тихо спросил молодой человек.

Действительно, канадец оставался нем и неподвижен. Подавленный радостью неожиданного осуществления своей заветной мечты, он положительно не в состоянии был выговорить ни слова, он лишь широко раскрыл свои объятия и наконец промолвил тихим, проникновенным голосом:

– Фабиан, сын мой! Обними меня!

И молодой человек почувствовал, что очутился в сильных объятиях гиганта, судорожно прижимавшего его к груди.

Новая жизнь начиналась для Красного Карабина: он нашел наконец свое возлюбленное дитя, нашел, чтобы уже больше не расставаться с ним.

– Ты избрал себе лучшую долю, сын мой, – проговорил старый охотник, отирая невольно выкатившиеся из глаз слезинки. – Я и Хосе – уже в возрасте, поэтому неудивительно, что предпочли жизни в душных городах жизнь на вольном воздухе, в лесах и степях, где человек только и чувствует себя настоящим царем природы. А ты еще молод, однако сразу понял и оценил прелесть жизни на природе. Действительно, золото и богатство иссушают душу человека и ослабляют его тело... В пустыне – все иначе! Усмирять диких мустангов, ловить рыбу в реках и озерах, охотиться в лесах, в лугах и прериях, не имеющих предела и владельца; тягаться в хитрости со своими врагами и побеждать своей ловкостью, затем, после дневных трудов, при свете жаркого костра и ласковом мерцании звезд, мечтать под бездонным сводом ночного неба о Божием величии и чудных тайнах природы; прислушиваться к голосу ветра, шуму деревьев и рокоту вод – этой непрерывной чудной мелодии, какую природа напевает человеку и которую беспощадно заглушает для него шум городской жизни с ее мелкими суетными интересами и заботами! Разве это не истинная жизнь, не истинное назначение всякого гордого и независимого человека? Разве эта участь, дорогой сын мой, недостойна отпрыска славного рода графов де Медиана?!

– Слышишь, Хосе? – окликнул молодой человек. – Можно ли предложить мне что-либо лучшее? Разве городская жизнь даст мне больше счастья, чем жизнь среди лесов и степей, среди величественной и живой природы?!

– Нет, говоря по чести, нет! – отвечал испанец. – Даже чин капитана королевских микелетов, о котором я когда-то мечтал, и тот не мог дать мне больше счастья и удовлетворения!

– Поверь мне, Фабиан, – с увлечением продолжал Красный Карабин, – первая шкура убитого тобой бобра, за которую ты выручишь обычную ее цену, доставит тебе несравненно больше радости, чем целый мешок золота, набранный здесь! Я сделаю из тебя такого же искусного стрелка, каким сделал Хосе, и мы вдвоем будем делать прекрасные дела! Теперь нам не хватает только доброй кентуккийской двустволки, но я надеюсь, что найдется какая-нибудь щедрая душа, которая доверит ее нам в кредит!

– Чего же мы еще ждем? Не пора ли в путь?! – спросил Фабиан с улыбкой, вызванной простодушной наивностью канадца, который рассуждал о том, как бы ему поверили в долг незначительную сумму, тогда как у его ног лежали неисчислимы сокровища, о которых он даже и не вспомнил.

– Пусть себе говорит, – вполголоса проговорил Хосе, добродушно посмеиваясь и тихонько подталкивая Фабиана локтем. – Пусть говорит, а я все-таки захвачу малую толику, чтобы заплатить чистоганом за двустволку. А остальное золото, чтобы оно не соблазняло жадных взоров разных разбойников, следует прикрыть.

Пока Розбуа и Фабиан собирались в дорогу, Хосе спустился с пирамиды и проник сквозь заросли в долину. Он сунул в карман первый подвернувшийся под руку самородок с грецкий орех величиной, разбросал собранную Кучильо грудку золота, а серапе бандита свернул и перебросил через кусты. Потом он присыпал россыпь песком, набросав поверх веток и сухой листвы, тщательно замел все следы пребывания в долине людей и возвратился к восточному склону пирамиды.

Неожиданно донесшийся со стороны речной развилки частый перестук копыт бешено скачущего коня насторожил охотников. Хосе поспешно присоединился к своим спутникам.

Необъяснимая тревога сжала на мгновение сердце канадца, но он не подал виду.

– Вероятно, какой-нибудь беглец из мексиканского лагеря направляется в эту сторону! – проговорил он совершенно спокойно, хотя сам не верил своим словам.

– И дай-то Бог, чтобы не было чего-нибудь более худшего, – вмешался Хосе, – меня и то удивляет, что эта ночь прошла так спокойно, когда здесь повсюду шатались индейцы и белые разбойники, алчность которых разжигает это проклятое золото.

– Вот теперь я уже вижу всадника! – воскликнул Фабиан вполголоса. – Но еще не могу различить, друг ли это или недруг, уверен только, что это белый, а не индеец!

Всадник мчался вперед с быстротой ветра и, казалось, должен был миновать пирамиду, оставив ее далеко в стороне, как неожиданно круто повернул и понесся прямо к индейской гробнице.

– Гей! Кто ты такой? – окликнул его Красный Карабин по-испански.

– Друг! – отозвался всадник, и по голосу охотники сразу узнали в нем Педро Диаса. – Слушайте меня, – кричал он, – и постарайтесь воспользоваться тем, что я вам сообщу!

– Хотите, мы спустимся к вам? – продолжал Розбуа.

– Нет, нет, а то, пожалуй, вы не успеете вернуться наверх, в свою природную крепость: индейцы разгромили лагерь, наши товарищи почти все перебиты; я чудом уцелел...

– Мы слышали сегодня ночью перестрелку... – вмешался Хосе.

– Не прерывайте меня, – воскликнул Диас, – время не терпит: я сейчас случайно столкнулся с одним мерзавцем, которого вам не следовало выпускать из рук. Это – Бараха, он ведет теперь на вас двух степных пиратов и индейцев-апачей, число которых мне неизвестно. Я успел их опередить всего на считанные минуты. Они следуют за мной по пятам. Прощайте! Вы пощадите меня, когда я был вашим пленником, и я от души желаю, чтобы мое предостережение послужило вам на пользу! Я же спешу теперь предупредить моих друзей, которым также грозит опасность; это мне известно потому, что негодяи, которые гонятся за мной следом, не скрывают своих намерений. Если вам удастся бежать отсюда, направляйтесь скорее к Развилке Красной реки, где найдете славных парней! Они вас...

В это мгновение над самой головой Диаса просвистела стрела, пущенная невидимой рукой, и прервала его на полуслове. Действительно, не следовало медлить ни минуты: дав шпоры коню, авантюрист громко выкрикнул традиционный окрик ночных караульных, как бы бросая этим вызов врагам и вместе с тем еще раз предостерегая друзей:

– Alerta!⁵

Горное эхо повторило еще раз этот крик, когда дон Педро уже скрылся в тумане. Почти одновременно с этим послышался в долине с разных сторон протяжный вой шакалов.

– Индейцы! – воскликнул Красный Карабин. – Они видели, как шакалы возятся с мертвой лошастью, и подражают их вою, чтобы дать знать о своем приближении друг другу. Но эти демоны не проведут меня, старого степного волка!

⁵ Слушай! (*исп.*)

Глава XVIII. Из огня да в полымя

Чтобы оценить всю меру опасности, грозившей трем охотникам, нам придется вернуться к тому моменту, когда злополучный Ороче висел над пропастью, сжимая в объятиях глыбу золота, которую он только что с таким трудом отделил от скалы. Изнемогая под тяжестью своей ноши, он возымел было на минуту мысль передать ее Барахе, но тотчас же одумался: судя о своем товарище по себе и зная его чрезвычайное корыстолюбие, он был вполне убежден, что вручить ему свою драгоценную добычу – значило обречь себя на неминуемую гибель. Рассуждать более было некогда, и бандит предпочел лететь в пропасть вместе с добытым им сокровищем.

Бараха безжалостно перерезывал оба лассо, по временам прерывая это занятие то мольбами, то проклятиями и угрозами.

Наконец сильно надрезанные лассо порвались сами собой. Наши охотники, действительно, видели тело бедного Ороче, мелькнувшее, точно черная тень, над кристальной завесой водопада.

Ужаснувшись тому, что сотворил, не потому, впрочем, что это было убийство, а потому, что он лишил себя такого громадного самородка, который один представлял собой целое крупное состояние, Бараха бросил в бездну взгляд, полный отчаяния, но было уже поздно: бездна поглотила и человека, и его сокровище, поглотила бесследно и навсегда.

Впервые в жизни Бараха пожалел о том, что остался одинок. Лишившись своего товарища, он принужден был окончательно отказаться от надежды вступить, с некоторым вероятием на успех, в борьбу с настоящими обладателями сокровищ Золотой долины.

Разбойник хотел было выждать их ухода, но, во-первых, ничто не предвещало их ухода в более или менее близком будущем, а во-вторых, непреодолимая жажда богатства до такой степени овладела всем его существом, что он положительно был не в силах больше ждать и решил немедленно предпринять что-нибудь.

Бешеная злоба на трех охотников примешивалась теперь в его душе к сознанию своего полного бессилия и беспомощности, – и чувство злобной зависти к ним возросло до чудовищных размеров.

Он готов был даже поступиться своей алчностью и сообщить тайну товарищам, лишь бы выбить из засады тех, которые осмелились так нагло объявить себя единственными хозяевами всех сокровищ Вальдорадо. С этой целью бандит решил вернуться в лагерь и там просить подкрепления; впрочем, он намеревался сообщить о своем открытии всего пяти или шести чело-векам из числа мексиканцев, искателей приключений, и затем дезертировать вместе с ними, предоставив остальным разделяться с индейцами как им угодно.

Однако расчетливый бандит упустил при этом из виду два серьезных препятствия, которые должны были помешать осуществлению его мудрого плана: исчезновение самого мексиканского лагеря и присутствие Педро Диаса, смерть которого он уже успел оплакать, но который, как мы видели, тоже поехал в лагерь.

Было уже довольно поздно, когда Бараха решился наконец временно покинуть окрестность Золотой долины. Он задумчиво ехал теперь по той же дороге, по которой ехал и утром вместе с доном Эстебаном, Ороче и Диасом, нимало не подозревая, что последний следовал за ним в некотором расстоянии.

Стоит ли говорить, что ему удалось без труда спуститься незамеченным в долину, следуя изгибу Туманных гор. Это случилось как раз одновременно с поражением мексиканцев.

Уже наступила ночь, когда Бараха, на расстоянии приблизительно мили от лагеря, услышал первые выстрелы начавшейся перестрелки. Он стал тревожно прислушиваться к этим звукам, – и холодный пот невольно выступил у него на лбу. Вскоре перестрелка усилилась.

В полной нерешимости, что предпринять, Бараха придержал коня: продолжать подвигаться вперед или вернуться назад казалось ему одинаково опасным. Однако, принимая во внимание различные соображения, что ехать вперед представлялось все же опаснее, бандит предпочел повернуть обратно. Он собирался уже выполнить свое намерение, когда конский топот, раздавшийся позади него, еще более усилил его мрачные предчувствия.

И вот, сливаясь отчасти с мерным топотом конских копыт, раздался во мраке ночи человеческий голос, от которого у Барахи волосы стали дыбом на голове. То был голос Педро Диаса, это не подлежало ни малейшему сомнению, и этот голос крикнул ему над самым ухом:

– Ороче, если не ошибаюсь?

Бараха не помнил себя от ужаса при звуке этого голоса, произнесшего эти слова: он был убежден, что это мертвец окликает другого мертвеца, так как полагал, что и Ороче и Диас погибли, один на дне пучины, другой – от пули ненавистных ему охотников.

Ему не пришло даже в голову, что Диас мог остаться жив и что он впотьмах мог принять его за Ороче, о смерти которого мог и не знать. Нет, страх и суеверный ужас бандита были так велики, что он, не рассуждая, как безумный, очертя голову помчался вперед.

А топот конских копыт за его спиной становился все слышнее и слышнее. Это была уже настоящая погоня, и голос становился все грознее и грознее. Бараха бежал от этого конского топота и от этого голоса, бежал не помня себя, несмотря на все усиливающуюся впереди перестрелку, которой он от страха почти не слышал. Он мчался прямо к лагерю.

Однако наступил такой момент, когда вид индейцев, зверски избивавших спасавшихся бегством мексиканцев, представлял собой такое ужасающее зрелище, что Бараха забыл на время свой страх перед мертвецами и повернул назад.

Впрочем, как мы уже говорили, мексиканцы вообще бывают суеверны не надолго. Случайная неожиданная встреча с Диасом, которого он считал убитым с самого утра, поразила его воображение и без того уже расстроенное страшной смертью Ороче, но теперь вид индейцев сразу заставил его вернуться к действительности и, осознав грозящую опасность, забыть о фантастических страхах и преследовавших его грозных призраках.

К своему несчастью, повернув коня, Бараха очутился лицом к лицу с Диасом, которого серьезно вооружили против него его измена и бегство во время утренней схватки.

– Трус! – крикнул кабальеро громовым голосом. – Я не позволю тебе дважды бежать в моем присутствии!

И он загородил дорогу бандиту.

В это время апачи окружили их со всех сторон, – и Бараха против воли принужден был принять участие в кровопролитной схватке, которой он хотел избежать. Диас успел вырвать из рук какого-то воина его смертоносный томагавк и орудовал им с невероятной ловкостью. Благодаря только этому обстоятельству ему удалось уйти наконец от неприятеля, слишком многочисленного для того, чтобы он мог надеяться одолеть его. Пленником же, о захвате которого Диаса оповестили торжествующие крики индейцев, привязанный к дереву в ожидании готовящейся ему страшной пытки, оказался злополучный Бараха.

Крепко прикрученный к колючему стволу железного дерева, среди хоровода дикарей, исполнявших какую-то дьявольскую пляску вокруг него, отчаявшийся убийца Ороче ожидал приближения смерти и жестокого искупления своих злодеяний, уготованного ему Провидением.

Несчастный, которому теперь приходили на память один за другим жуткие рассказы старого Бенито, понял, что попал в руки врагов еще более безжалостных и беспощадных, чем был он сам по отношению к злополучному гамбусино, и что от них нельзя ждать не только пощады, а даже и капли воды, чтобы утолить мучившую его жажду.

Оцепенев от ужаса, бандит обводил помутившимся, растерянным взглядом дикие, свирепые лица своих палачей, с дьявольским злорадством готовившихся приступить к предше-

ствовавшим казни пыткам. При свете пылающих повозок, освещавших окрестность кровавым заревом, видно было, как несчастный изнемогал и потому только не падал лицом вниз, что кожаные ремни туго притягивали его к стволу дерева; но, несмотря на это, ноги у него подкашивались и явно не в состоянии были поддерживать тяжесть его тела.

В ожидании казни индейцы раскаливали на огне железные прутья, точили ножи и заостряли стрелы.

После блестящей победы, одержанной в этот день краснокожими, пытка и казнь пленного должны были увенчать их торжество. Слова старого Бенито, вырвавшиеся у него вчера, так и звучали теперь в ушах Барахи, точно страшное предсказание ожидавшей его участи: «Если волею судьбы вы окажетесь в лапах краснокожих, то молитесь Богу, чтобы это произошло в радостный для них час, тогда, по крайней мере, вы отделаетесь хотя и зверскими, но непродолжительными муками».

Теперь бедный Бараха не мог не сознаться, что в этот вечер индейцы были чрезвычайно весело настроены, но все-таки у него не выходило из головы, что эта кратковременная пытка длится обыкновенно не менее пяти часов.

Наконец к нему приблизился рослый индеец с мрачным, свирепым лицом и проговорил:

– Бледнолицые болтливы, как сороки и попугаи, когда их много, но когда они привязаны к столбу пытки, то молчат, как сомы в омуте. Хватит ли мужества у бледнолицего пропеть свою предсмертную песнь?

Бараха не понял значения его слов, и краткий вздох был единственным ответом на оскорбительный выпад индейца, вздох, походивший на мучительный стон.

Затем подошел другой дикарь. Свежая рана – след сабли или кинжала пересекала его грудь от плеча до бедра. Несмотря на тщательную перевязку из древесной коры, кровь из раны обильно сочилась. Обмакнув палец в своей крови, апач провел по лицу Барахи линию от лба до подбородка.

– Вся эта сторона лица, – сказал он, – и половина лба, и глаз, и щека – моя доля, и я заранее отмечаю их для себя: я один буду иметь право вырвать их у белого!

Но поскольку Бараха не понял и этой страшной угрозы, что успел заметить пронизательный краснокожий, то дикарь постарался пояснить ему свою мысль посредством нескольких испанских слов и выразительных жестов с помощью своего ножа.

Кровь застыла в жилах несчастного, когда он уяснил наконец, о чем идет речь.

Между тем, возбужденный этим примером, из круга бесновавшихся дикарей выступил третий индеец.

– А скальп будет мой! – проговорил он, дотрагиваясь до волос пленника.

– Я один буду иметь право, – добавил четвертый, – вылить ему на обнаженный череп кипящее сало, которое мы вытопим из трупов бледнолицых!

Бараха не мог не понимать всех этих ужасных подробностей, которые, для большей ясности, пояснялись еще самыми вразумительными жестами.

Затем последовал небольшой перерыв, в течение которого индейцы продолжили традиционный танец «скальпа». Вдруг раздался вой, но совершенно иного характера, чем тот, каким обыкновенно сопровождается у индейцев проявление радости или горя (ведь эти дикари, свирепейшие из всех зверей пустыни, умеют только выть и только воем выражают и радость, и тоску, и скорбь); нет, на сей раз пустыня огласилась совершенно иного рода воем, похожим на завывание голодных ягуаров, чующих добычу и сгорающих от нетерпения поскорее наброситься на нее.

Тогда раненый вождь, оставшийся все время на возвышенности с Антилопой, неторопливо встал, чтобы подать знак к началу пытки. Но, как видно, час Барахи еще не настал: неожиданное событие отсрочило пытку.

Посреди круга, освещенного пламенем костров, вдруг появился воин в одеянии индейца, но совершенно не походившем на обычное одеяние апачей; впрочем, появление его, по-видимому, никого не удивило, только имя, Эль-Метисо, стало передаваться из уст в уста.

Незнакомец приветствовал индейцев величественным и одновременно чуть небрежным движением руки и сразу подошел к их пленнику. Пламя освещало достаточно ярко фигуру несчастного, чтобы вновь прибывший мог разглядеть черты мертвенно-бледного лица Барахи. На физиономии незнакомца появилось выражение самого глубочайшего презрения, без малейшей примеси жалости или соболезнования, но Бараха, несмотря на это, не мог удержать невольного чувства удивления: он узнал в этом человеке того таинственного незнакомца, которого он видел в этот день в легком челноке из древесной коры, молчаливо скользившем по водам горного потока там, в Туманных горах.

Эль-Метисо обратился к Барахе сперва на английском языке, причем последний, конечно, не понял его, затем на французском и, наконец, на испанском.

– Сеньор! – радостно воскликнул пленный. – Если вы сможете спасти меня, то я дам вам так много золота, что вы не сможете даже унести всего!

Бараха произнес эти слова таким убежденным тоном и с таким искренним порывом, что Эль-Метисо – мы можем даже назвать его индейцем, поскольку он несравненно больше принадлежал к красной, чем к белой расе, – невольно поверил ему и, казалось, заинтересовался этим предложением. Его мрачная физиономия осветилась на мгновение выражением алчной радости.

– Правда? – спросил он, причем глаза его сверкали и разгорались от предвкушения будущего благополучия.

– О сеньор! – воскликнул Бараха, обнаженный выражением лица незнакомца. – Это такая же правда, как и то, что я сейчас должен буду умереть в ужаснейших муках, если только ваше вмешательство не спасет меня! Слушайте, что я скажу вам: вы последуйте за мной, захватив десять, двадцать, тридцать человек воинов, словом, сколько вам угодно, и если завтра с восходом солнца, при первых его лучах, я не приведу вас к богатейшим россыпям золота, какие только существуют на свете, то вы можете подвергнуть меня самым бесчеловечным пыткам, пусть даже еще более ужасным, чем те, которые грозят мне теперь!

– Я попытаюсь сделать, что можно, – сказал Эль-Метисо вполголоса, – теперь не пророни больше ни слова: хотя индейцы и не особенно гонятся за золотом, все же им не следует знать о твоём предложении. Нас слушают!

Действительно, кольцо дикарей, сгоравших от нетерпения приступить скорее к своей дикой забаве, стало постепенно стягиваться вокруг, и уже слышался ропот недовольства.

– Хорошо! – сказал Эль-Метисо громко по-индейски. – Я переложу в уши вождя слова бледнолицего пленника!

При этих словах таинственная личность окинула всех присутствующих таким властным взглядом, который заставил отступить назад даже самых нетерпеливых апачей. Затем, подойдя к Черной Птице, по-прежнему восседавшему на возвышенности, Эль-Метисо громко, внушительно заявил:

– Пусть ни один воин не дотронется пальцем до пленника до тех пор, пока два вождя не окончат своего военного совета!

Луч надежды блеснул для несчастного Барахи, и в то время как его мучители метали на него полные злобного нетерпения взгляды, злополучный пленник не сводил глаз с человека, от которого зависело теперь его спасение, а сердце попеременно то начинало сильно колотиться от радости, то снова замирало от мучительных опасений. Словом, Бараха переживал в это время все те потрясающие чувства и муки, которые иной раз заставляют человека поседеть в продолжение нескольких часов. Еще не дожив до настоящей физической пытки и казни, убийца Ороче пережил в это время и выстрадал более, чем его жертва.

Совещание двух вождей длилось довольно долго. Черную Птицу, по-видимому, нелегко оказалось уговорить. Впрочем, ни одно слово из их разговора не доносилось до слуха воинов, а их жесты и движения было довольно трудно истолковать безошибочно.

Эль-Метисо указал правой рукой на цепь Туманных гор, а левой описал в воздухе крутую дугу, означавшую, вероятно, что горы следует перейти, затем, описав распростертыми руками большой круг, вероятно желая изобразить этим жестом обширную долину, указал на задуманных и прирезанных коней в лагере мексиканцев и стал подражать движению скачущих коней, берущих препятствие. Тем не менее мрачный индейский вождь все еще колебался, пока Бараха, все время неотступно следивший за двумя собеседниками, не заметил, что тот из них, кто отстаивал его интересы, вдруг принял на себя печальный, задумчивый вид и тихо прошептал на ухо Черной Птице несколько таинственных слов.

Вопреки всему своему стоицизму индеец не смог удержаться, чтобы не вздрогнуть всем телом, и не сумел подавить в себе того чувства, которое заставило глаза его вспыхнуть подобно раскаленным угольям и засветиться бешеной злобой. Наконец Эль-Метисо, указывая на пленного, произнес громко, так, чтобы все могли его слышать:

– Что значит этот жалкий трусливый заяц в сравнении со смелым и отважным воином, с твердым сердцем и железными мускулами, которого я предаю вам?! Когда солнце, которое взойдет завтра, трижды обойдет землю, Кровавая Рука и Эль-Метисо встретятся с Черной Птицей в том месте, где Рио-Хила сливается с Красной речкой близ озера Бизонов. Там апачи найдут к тому же еще четырех прекрасных коней, которых белые охотники наловили и укротили для них. Там и тот, которого...

Тут Черная Птица прервал речь Эль-Метисо, опустив свою руку на его плечо. Сделка, видимо, была заключена.

Тогда пришелец медленно спустился с пригорка и, смерив разочарованных индейцев уверенным и строгим взглядом, своим ножом разрезал ремни, которыми пленный был привязан к дереву. Затем, не слушая его пламенных излияний благодарности за спасение, он отвел его в сторону и сказал ему тоном высокомерной угрозы:

– Смотри, не вздумай обмануть мое доверие! Там, – он указал на Туманные горы, – меня ожидает мой товарищ, и, кроме него, я захвачу с собой еще одиннадцать апачей!

– Сеньор! – воскликнул Бараха. – Этого слишком мало, доступ к сокровищам охраняют три человека, из которых двое – слишком опасные противники. Никогда еще не бывало, чтобы их выстрел пропал даром: они не знают промаха!

Надменная, презрительная улыбка скользнула по губам незнакомца.

– Кровавая Рука и я никогда еще не целились напрасно во врага, еще ни один наш выстрел не обманул наших ожиданий, хотя бы даже нам была видна одна лишь макушка врага! – сказал он, потрясая своим тяжеловесным ружьем. – Сокол слеп и неповоротлив в сравнении с нами!

Вскоре индейцы покинули преданный огню лагерь искателей золота. Черная Птица с большей частью своего отряда отправился к озеру Бизонов, а двое уполномоченных его в деле мщения пошли иным путем.

Антилопа направился к разветвлению Рио-Хилы с десятью воинами, чтобы отыскать там потерянный след трех охотников, а Эль-Метисо и Бараха с одиннадцатью другими воинами поскакали напрямик к Золотой долине.

Последние остатки догоравших костров и повозок распались мелким огненным дождем и с шипением угасали в лужах крови, которую земля еще не успела впитать в себя.

Глава XIX. Степные пираты

В начале этого рассказа было уже сообщено, как благодаря погоне за драгоценными металлами и мехами в лесах и степях пустынной, почти необитаемой части Северной Америки, от самой Канады и до побережья Тихого океана, иначе говоря, на всем громадном пространстве, занятом Канадой, Северо-Американскими Соединенными Штатами и Мексикой, возник качественно новый, своеобразный класс людей.

Мы пытались описать и изобразить, насколько возможно, точно и живо этот своеобразный тип лесных бродяг – охотников и гамбусино – искателей золота.

Предки и предшественники этих авантюристов – искателей приключений, типичными представителями нравов и обычаев которых являются в нашем повествовании канадец и охотник-испанец, а также и предшественники искателей золота должны были бороться исключительно только с законными владельцами и хозяевами необъятных лесов, пустынь и прерий, в которые они вторгались в погоне за добычей – в основном за пушниной и благородными металлами. Теперь же последователи этих предприимчивых людей принуждены были вести борьбу против врагов несравненно более опасных и коварных, чем даже индейцы или дикие звери.

Этими врагами явились те белые, которые принимают образ жизни дикарей и, становясь ренегатами своей веры, нравов и обычаев, ренегатами культуры и цивилизации, вступают с различными племенами индейцев в частые, но в большинстве случаев лишь мимолетные контакты. Они-то и породили новую расу полукровок – метисов, унаследовавших от своих родителей все пороки красной и белой рас и, пожалуй, ни одной их добродетели.

Неутомимые мародеры, подобные чистокровным индейцам, искусно владеющие всяким оружием, говорящие одинаково как на языке своих отцов, так и на языке своих матерей, всегда готовые злоупотреблять своими познаниями во вред и белым и краснокожим, метисы являются в большинстве случаев проклятием пустыни и самыми коварными врагами, каких только можно встретить в этих странах.

Прибавим к этим пособникам индейцев еще тех белых, которых их преступления изгнали из городов и заставили искать убежища в глухомани, где они могли рассчитывать на безнаказанность и полную возможность давать волю своим мерзким страстям и порочным инстинктам, – и мы получим полное представление о многочисленности врагов, с которыми постоянно приходится бороться трапперам, охотникам и искателям золота.

Нашим друзьям тоже предстояло встретиться с этими отбросами цивилизации. Но Диас не успел сообщить того, что в числе их врагов находились два белых пирата прерии.

Последние без ведома наших охотников припрятали свои челноки в подземном канале, ведущем из озера Золотой долины в Туманные горы, в таком надежном месте, где их никоим образом нельзя было разыскать. Эти двое степных пиратов были отец и сын. Последний уже знаком нашим читателям под именем Эль-Метисо, как его называли мексиканцы и апачи. Канадские охотники – французы звали его Sang-Mele – Смешанная Кровь, американцы – Halg-Breed – Полукровка. Недобрая слава о нем облетела все эти страны. Что же касается первого, то в зависимости от языка, на котором говорили искатели приключений, обитавшие в диких пустынях, его называли Main-Rouge⁶, Red-Hand⁷ и Mano-Sangriento⁸, то его страшную известность мог затмить разве только его сын.

Обладая поистине каменным сердцем, не доступным никакой жалости, и зверской жестокостью, с которой ничто не могло сравниться, отличаясь дьявольской ловкостью, хитростью,

⁶ Красная Рука (*фр.*).

⁷ Красная Рука (*англ.*).

⁸ Кровавая Рука (*исп.*).

проворством и смелостью, которая ни перед чем не останавливалась, оба негодяя, и отец и сын, точные копии друг с друга во всем, имели за собой еще одно преимущество: свободно изъяснялись на английском, французском и испанском языках и на всех индейских наречиях, встречающихся в здешних местах.

Впрочем, из дальнейшего хода рассказа будет видно, какую роль играли эти две личности в жизни обитателей Соноры; тогда и читатель ближе ознакомится с образом действий этих людей, которые являлись поочередно то друзьями, то врагами как белых, так и индейцев, заставляли тех и других служить своим корыстным интересам и в то же время одинаково внушая страх и недоверие и первым и последним.

Холодный прием, оказанный Эль-Метисо Черной Птицей и его воинами, и высокомерное обхождение этого метиса, а тем более уступка ему своего военнопленного, на которую в конце концов согласился краснокожий вождь, – все это уже достаточно наглядно указывает на громадный авторитет, каким пользовался этот человек среди индейских племен.

– Итак, – проговорил Хосе после отъезда Диаса, – не прав ли я был, утверждая, что зря мы остались здесь на ночь?! Вот и ввязались в хлопотное дело!

– Ба! – проговорил Фабиан. – Вся наша жизнь разве не должна быть нескончаемым рядом схваток и сражений, риска и опасностей? Так не все ли равно, где драться, тут или в другом месте?

– Это было отрадно для меня и для Хосе, – вмешался в разговор Красный Карабин. – Мы – люди привычные к такого рода жизни, но ради тебя, дорогой мальчик, я хотел бы, не отказываясь от жизни в лесах и прериях, отказаться от опасных скитаний по безлюдным местам, где риск погибнуть возрастает многократно. Я мечтал пристать к моим соотечественникам, плавающим в верховьях Миссури, или же поступить на службу в качестве траппера и горного охотника штата Орегон⁹. Таким образом, нас всегда насчитывалось бы одновременно человек около ста; и хотя нам пришлось бы жить, как теперь, вдали от городов, но, по крайней мере, нечего было бы страшиться, если только начальник – человек осмотрительный и способный, знающий свое дело и местные условия жизни, – а таких немало!

– Боюсь, – сказал Хосе после непродолжительного молчания своих товарищей, – что наша позиция, в сущности, вовсе не так хороша, как мы думали сначала! Взгляните, с вершины того гребня, из расщелины которого низвергается водопад, врагу нетрудно будет одолеть наше укрепление!

– Водяная струя падает прямо из облака сплошного тумана, и если эти мерзавцы заберутся туда, то станут так же невидимы для нас, как мы для них! – проговорил канадец. – Посмотрите, ведь мы здесь окутаны самым густым туманом; правда, солнце сейчас может рассеять его, но оно не разгонит тумана, постоянно скопляющегося чуть выше в горах!

– Так-то оно так, – согласился Хосе, – но стоит только ветру рассеять на мгновение этот туман, – и в нас будут стрелять как в простую мишень!

– Жизнь наша в руках Божиих! – проговорил Фабиан.

– Да, и в руках апачей, иначе говоря, краснокожих дьяволов! – буркнул Хосе.

Действительно, наши охотники не могли не сознавать, что все для них зависело от дуновения ветра, первый порыв которого мог, разогнав туман над их головой, выдать их врагам. Но теперь было уже поздно менять позицию; волей-неволей приходилось держаться на старой.

– Послушайте, – начал Хосе, – у меня появился план, я сейчас пойду... Ш-ш!.. Кажется, наверху гребня кто-то есть!

В этот момент сорвавшийся с высоты камень с шумом полетел в пропасть.

– Мерзавцы уже там, вне всякого сомнения, – прошептал канадец. – Будьте начеку, друзья!

⁹ Штат на Тихоокеанском побережье США, представлявшем собой в описываемое время глухую пустыню.

– Эти черги и там, на гребне, и рыскают в долине тоже, – уверенно проговорил Хосе, – но мне необходимо спуститься вниз! Я пойду под прикрытием ваших выстрелов, но смотрите, будьте осторожны!

Канадец уже привык полагаться на испытанные не раз смелость, мужество, ловкость и хитрость друга и потому не попросил у него никаких разъяснений. Фабиан и Розбуа, опустившись на колени, приложили ружья к плечу и были готовы при первой надобности спустить курки.

Тем временем испанец, присев на корточки и положив ружье поперек колен, спустился по скату холма и на мгновение исчез во мраке, царившем еще повсюду в долине. Но Красному Карабину и Фабиану недолго пришлось тревожиться о нем: несколько минут спустя они уже снова увидели его у подножия пирамиды, на которую он стал проворно взбираться. В руках у Хосе было толстое шерстяное серапе Кучильо, служившее тому плащом.

– О, это прекрасная мысль! – просто сказал Красный Карабин, сразу угадавший намерение Хосе.

– Да, – прибавил испанец, – за этой шерстяной завесой, да если еще ее подбить покрывалом дона Фабиана, я поручусь, ни одна ружейная пуля не коснется нас!

Верхние углы двух серапе были тотчас прикреплены на высоте человеческого роста к стволам пихт, возвышавшихся над площадкой пирамиды, и их развевающиеся складки действительно представляли собою непроницаемую преграду для пуль.

– Ну, теперь нам с этой стороны нечего опасаться! – сказал Хосе, удовлетворенно потирая руки. – А с другой нас достаточно защищают поставленные на ребро каменные плиты, так что теперь мы можем спокойно ожидать неприятеля и вступить с ним в переговоры, если он захочет. Я теперь же могу сообщить вам весь план их действий! – добавил испанец с апломбом великого стратега, заранее угадывающего весь хитрый план неприятеля, которого он собирается разбить наголову.

– Посмотрим! – сказал, улыбаясь, Фабиан, в душе дивясь беспечному спокойствию бывшего микелета, который лег на спину и под защитой серапе чувствовал себя в полной безопасности.

Лежа на спине, он спокойно любовался звездами, еще мерцавшими там и сям сквозь прозрачную дымку тумана.

– Так поделись с нами своим планом, – предложил Фабиан.

– Охотно! – отозвался Хосе. – Но прежде всего прилягте, друзья, поскольку, оставаясь на ногах, вы представляете такую же мишень, как стволы этих пихт!

Розбуа и Фабиан молча последовали разумному совету товарища, так что со стороны долины на вершине пирамиды не видно было ничего, кроме фантастического силуэта конского скелета, шестов с развевающимися скальпами и мощных ветвей гигантских пихт, простиравших свой темно-зеленый покров над всеми этими мрачными эмблемами смерти.

– Прежде всего, – начал испанец, – раз мексиканские искатели приключений, которых, как я уверен, здесь несколько, и кочевые индейцы идут сюда под предводительством Барахи, то всего вероятнее, что мерзавец поведет их сюда тем же путем, каким он бежал от нас. Вот почему они должны непременно взобраться на гребень. Кроме того, у Барахи имеется еще и другое основание не идти сюда напрямик со стороны долины. Если уж он, как мы предполагаем, не задумался сбросить в пропасть своего ближайшего друга ради того, чтобы завладеть самому всеми сокровищами Золотой долины, то, конечно же, не захочет выдать своим новым союзникам местонахождение россыпи. Поэтому-то если бы он повел их долиной, то мог бы опасаться, что они как-нибудь случайно увидят его сокровища, чего он, понятно, всячески старается избежать... Как видно, само Провидение надоумило меня прикрыть россыпь, – сказал Хосе после некоторого молчания, как бы говоря сам с собой. – Однако вернемся к плану неприятеля! – продолжал он уже вслух. – Итак, эти мерзавцы займут гребень скалы напротив и

постараются перебить нас одного за другим, а впоследствии передушить друг друга из-за дела нашего наследства. Так вот, друзья, – заключил испанец, – в случае открытия враждебных действий первая пуля – Барахе!

Фабиан согласно кивал, выслушивая преисполненного самоуверенности бывшего микелета, что же касается Красного Карабина, то он был настроен далеко не столь оптимистично.

С того момента как лесной бродяга поверил в возможность счастливо прожить остаток дней своих среди дикой пустыни вместе с приемным сыном, который дал ему обещание никогда более не расставаться с ним, в душе его произошел разительный переворот. Многочисленные опасности, постоянно угрожающие в пустыне тому, кто избрал ее себе второй родиной, опасности, которые он всегда счастливо преодолевал, теперь почему-то стали пугать его.

На островке посреди Рио-Хилы мужество не изменяло ему ни на одну минуту, хотя сердце его сжималось от волнения при мысли об опасности, которой подвергался Фабиан. Но здесь, на площадке пирамиды, им овладело какое-то странное, болезненное ощущение. Глаза его, казалось, утратили свой прежний живой и пронизательный взгляд, вспыхивающий при виде опасности, а изобретательный и находчивый ум вдруг словно утерял свои необычайные способности.

Пока Хосе с воодушевлением развивал предполагаемый план действий неприятеля, канадец несколько раз собирался высказаться, но каждый раз, удивленный теми чувствами и мыслями, которые напрашивались ему на язык, смолкал, стыдясь дать волю этим чувствам и мыслям. В конце концов он все-таки решился.

– Послушайте, друзья, – сказал он, подхватив на лету утешительную мысль, проскользнувшую в словах его друга, – одно из двух: или готовящиеся напасть на нас бандиты знают о существовании богатейшей россыпи, или не знают. Я не говорю, конечно, о Барахе, которому все известно. Так как Фабиан не желает воспользоваться этим золотом, точно так же как и мы, то есть смысл открыть им эту тайну; если же она уже известна им, то вопрос сам по себе отпадает. Как в том, так и в другом случае мы без спора уступим им это злополучное золото и, не обменявшись ни одним выстрелом, спокойно уйдем отсюда. Что вы на это скажете?

Хосе хранил упорное, негодующее молчание.

– Это единственное средство, какое остается нам! – продолжал канадец, настаивая на своем плане, несмотря на молчаливое неодобрение верного друга, причину которого без труда угадывал.

Но и на сей раз Хосе не проронил ни слова и только принялся насвистывать какой-то воинственный марш – любимое его занятие в часы отдыха или раздумья. Фабиан также молчал, – и отважный канадец, которого беззаветная любовь к юноше толкала на постыдное малодушие, со вздохом отвернулся от своих друзей, чтобы скрыть залившую его лицо краску стыда.

– Быть может, нам следовало бы еще предложить им и себя в качестве вьючных животных, – проговорил наконец бывший микелет с едкой насмешкой, которая, как ножом, кольнула в сердце ветерана пустыни, – чтобы эти великодушные сеньоры не имели надобности утруждать себя и уносить на своих спинах награбленную ими добычу. Не правда ли, как отраднее будет видеть двух белых воинов, которые, никогда не бледнея, раньше сами бросали вызов целому племени индейцев, а теперь будут склонять свои буйные головы перед отребьем рода человеческого?! Эх, дон Фабиан, – с горечью добавил охотник, – что вы сделали с моим отважным и мужественным стариком?!

– Фабиан, Фабиан! Ты – светлая звезда, взошедшая на склоне моей жизни! – вздохнул Красный Карабин. – Ты придал этой жизни и смысл и сладость и сумел заставить меня дорожить ею и ценить ее, не слушай этого человека с каменным сердцем, твердым как скала: ведь он никогда никого не любил!

– Я вижу, Розбуа, что, прожив с Фабианом лишний день, успел уже забыть.

– Нет, нет, я не забыл, никогда и не забуду, пока жив, что скальпировальный нож успел уже провести кровавую борозду по моему черепу, когда, рискуя своей собственной жизнью, ты спас меня от верной смерти! Мало того, нет ни одного горького, тяжелого или радостного часа в моей жизни за прожитые бок о бок последние десять лет, который бы изгладился из моей памяти! Нет, я ничего не забыл! Прости мне, друг, горечь моих слов, но ты, конечно, не в состоянии понять, что такое за чувство родительской нежности и любовь отца к своему сыну: я старый лесной бродяга... чтобы сохранить эту опору моей старости... я желал бы... Да что! И храбрый лев Атласа не отступает ли перед врагом, чтобы спасти своего львенка?! – энергично закончил старый охотник, не стараясь долее скрывать своих настоящих чувств.

Фабиан схватил руку того, кто любил его больше даже, чем свои жизнь и честь, вместе взятые.

– Розбуа, дорогой отец мой! – воскликнул он, растроганный до слез. – Я же сказал вам, что мы умрем вместе, если это будет нужно, и я искренне желаю этого, но все-таки мы сделаем так, как вы считаете необходимым.

– Гм! – промычал Хосе, который теперь, в свою очередь, растрогался. – Гм!.. Дело это... можно уладить, гм!.. Но черт побери!.. Это тяжело!.. да... но как ты говоришь, что и львы Атласа... ну, раз так... Карамба! Воля ваша, паршиво они поступают, и похвалить их тут не за что, разве только за то, что они уходят после того, как уложат на месте с полдюжины охотников! Но давайте покончим скорей с этим делом! Призовем сюда эту мразь и, если уж так надо, сдадимся им!

С этими словами бывший карабинер со свойственной ему решительностью встал во весь рост.

Красный Карабин и не думал протестовать против такого решения, но Фабиан остановил пылкого испанца.

– Вы оба, – сказал он, – можете и бежать и сдаваться, не опозорив себя, так как за вашими плечами – жизнь, полная невероятно мужественных, мало того, геройских поступков, но, во всяком случае, чтобы сдача была для нас более почетной и менее тяжелой, следует выждать, пока нам предложат ее. Подождите, пока сделается настолько светло, что можно будет видеть, по крайней мере, с каким числом и с какого рода врагами мы имеем дело!

– С несколькими мексиканскими бандитами и горстью индейцев, которые, конечно, будут настолько же удивлены тем, что обратили нас в бегство, сколько и мы тем, что бежим от них! – сказал Хосе презрительно. – Однако эти мерзавцы, как мне кажется, что-то уж больно долго готовятся к нападению!

И смелый испанец ползком добрался до края площадки, чтобы взглянуть вниз, в долину, и вверх, на вершины скал. Первые смутные проблески зари освещали совершенно безлюдную пустую равнину, столь же безлюдную, как и накануне.

– В долине ни души, – проговорил бывший микелет, – и если вы хотите меня послушать, то, так как мы уже все равно решили поступить подобно львам Атласа, я полагаю, лучше нам уйти немедленно, пока еще есть время, не вступая ни в какие переговоры; дожидаться долее этих негодяев мне кажется опасным, тем более что добровольная сдача совершенно не входит, как вам известно, в число обычаев и нравов пустыни!

Прежде чем ответить Хосе, канадец, в свою очередь, приблизился к краю площадки, стараясь пронизать орлиным взглядом туманно-дымчатый покров, застилавший все пространство равнины.

Все неровности почвы, камни и бугорки, которыми она была усеяна, представляли собой еще неясные, смутно различимые очертания, а потому вдоль этих камней и в расщелинах почвы враги легко могли незаметно прокрасться к подножию пирамиды, подстерегая здесь каждое движение охотников. Введенный в заблуждение видимым спокойствием, царившим

повсюду на равнине, Розбуа, вероятно, согласился бы уйти, пока есть время, если бы его изощренный слух не опроверг показаний его глаз.

Шакалы все еще продолжали завывать вокруг останков убитого коня дона Эстебана, как вдруг один более жалобный и протяжный крик присоединился к общему завыванию.

Сигнал этот тотчас же был расшифрован опытным лесным бродягой. Не сказав ни слова, он вернулся на свое прежнее место и сел.

– Полагать, что равнина свободна, – чистейшее заблуждение, – проговорил он. – Слышите, как завывают шакалы над трупом, к которому они не смеют подойти? Я это слышу по тону их воя, и бьюсь об заклад, за лошадью притаилось двое или трое индейцев!

Хосе тотчас подполз к краю площадки и, приглядевшись пристальнее, сказал:

– Ты, как всегда, не ошибся, Розбуа! Теперь и я различаю: их двое; распластались на животах, затаились. Эх, будь моя воля, они никогда бы не встали на ноги! И все-таки, если начнутся враждебные действия...

– Никаких враждебных действий и быть не может: ведь им не жизнь наша нужна, а золото! Ну, так пусть забирают, мы препятствовать не будем!

– С этим я не спорю. А все же везде, где только появляются индейцы, белые встречают заклятых врагов, которые жаждут не столько богатств и выгод, сколько крови!

Не найдя приемлемого объяснения неожиданному союзу Барахи с недавними врагами мексиканцев, Розбуа предположил, что авантюристу удалось подбить апачей на нападение, соблазнив их золотом, и потому, получив желаемое, рассуждал канадец, краснокожие отвязнутся от охотников. Потому-то он и решил выждать, покуда неприятель не заявит о себе чем-либо иным, кроме шакальих криков. Однако нападающие почему-то медлили.

Наступило продолжительное молчание...

Воспользуемся этим перерывом в развитии действия, чтобы описать нашим читателям то, что действительно происходило в это время вокруг.

Первой мыслью Барахи было привести метиса прямо к Золотой долине и предоставить ему все ее сокровища, купив этой дорогой ценой свою жизнь. Но затем, когда первый чад опьянения от радости, что ему удалось избавиться от ужаснейшей пытки, немного прошел и первое волнение улеглось, у него опять пробудилось желание сохранить за собой свою долю богатств, как бы незначительна она ни оказалась. А на протяжении пути к таинственной золотоносной долине желание бандита возросло непомерно, и, сознавая невозможность сохранить сокровище лишь для себя, он пришел к заключению, что лучше всего оставить себе львиную долю и только часть предоставить своему спасителю...

И вот бандит стал уверять Эль-Метисо, что сокровище, представляющее из себя громадные глыбы золота, запрятано охотниками в гробнице индейского вождя на вершине пирамиды и, чтобы добраться до него, необходимо изгнать оттуда белых. Метис вполне удовлетворялся этими объяснениями.

Тем не менее Бараха принужден был позаботиться о том, чтобы богатства Золотой долины не попались на глаза или в руки его новых товарищей. Таково было настроение и планы искателя приключений в то время, когда к их отряду присоединилось новое лицо. То был белый охотник Кровавая Рука. Метис тут же рассказал отцу о договоренности с апачами.

Бандит поджидал отряд под сенью густолиственной рощицы, позади которой и Диас принужден был притаиться, чтобы дать вздохнуть своему легко раненному, но вконец измученному коню, так как этот крошечный оазис был единственным местом, приемлемым для отдыха среди голой пустыни.

Благодаря этому обстоятельству Диас против воли услышал почти весь разговор двух степных бандитов, не удалось расслышать всего несколько фраз. Как человек постоянно живший на границе и слишком часто сталкивавшийся с американцами, он неплохо владел английским языком, а потому понял все, что говорилось между отцом и сыном.

– Но почему же, – говорил один голос, – ты не назначил вождю индейцев немедленно свидание там, у разветвления Красной речки: ведь вблизи нее находится та белая девушка, которую ты решил взять себе в жены?!

– В жены сроком на один месяц, ты хочешь сказать?! А то, быть может, еще меньше! Тебя интересует, почему я назначил встречу индейскому вождю через три дня, а не теперь же? Да потому, что эта белая собака – наш проводник – обещал мне указать поблизости от индейской могилы богатейшую золотую россыпь, и я прежде всего хочу овладеть этим золотом, а потом уже – девушкой с озера Бизонов.

Диас не расслышал, что отвечал на это голос Кровавой Руки. А сын его продолжал:

– Полно тебе, старик! Ведь я же говорю, что это наш самый удачный поход! А все благодаря кому? Ведь пока я не достиг возраста, когда оказался в силах помогать тебе, ты занимался лишь тем, что убивал каких-то жалких одиноких трапперов и отбирал у них их жалкую добычу.

На это Кровавая Рука снова прорычал что-то, вроде того, как рычит тигр, укрощенный своим повелителем, и что-то спросил.

– Конечно, – ответил ренегат, – их проследили до самого озера Бизонов...

Окончание фразы Диас не расслышал.

– А как ты склонил вождя апачей присоединиться к твоему плану похищения? – спросил опять Кровавая Рука. – Сказал ли ты, что тридцать два охотника находятся на берегах озера?

– Разумеется, я даже обещал ему всех мустангов, которых они изловили!

– И он согласился?

– Только с условием, что я изловлю и передам в его руки того команча, что бродит по берегам Красной речки!

Диас не услышал ничего более, кроме нескольких неясных слов, что-то о тайнике Бизоного острова, поскольку пираты присоединились к отряду и продолжили свой путь.

Но Диасу и услышанного оказалось достаточно, чтобы угадать весь план негодяев, и он поспешил присоединиться к охотникам за мустангами, которым угрожала серьезная опасность, а по пути счел своим долгом предостеречь и трех наших друзей о приближении индейцев.

Что же касается Барахи, то он уже окончательно выработал свой план. Прибыв, после четырех часов пути, к тому месту вблизи Золотой долины, откуда была видна даже и во мраке могильная пирамида, он предложил остановиться, так как в его планы вовсе не входило расположить своих соучастников на гряде скал, служащих с одной стороны оградой Золотой долины, откуда они легко могли бы увидеть золотую россыпь.

– Пойдем вот сюда, – предложил он Эль-Метисо, – с вершин вот этих гор мы будем иметь пирамиду под собой!

При этом Бараха указал прямо на ту узкую тропу, по которой сам он спустился в долину с Туманных гор.

– В самом деле, – проговорил Эль-Метисо, – когда рассветет и туман рассеется, мы будем парить над ними, как орлы над своей добычей.

Весь маленький отряд собирался уже взобраться вверх по узенькой тропинке, указанной Барахой, когда один из апачей, склонившись к земле, чтобы изучить след, оставленный в песке, вскрикнул от радостного удивления и подозвал к себе двух соплеменников.

– Чей след? – спросил апач.

– Это след Орла Снежных Гор! – подтвердили оба воина, разумея под этим названием канадца-охотника.

– А эти следы? Узнают их мои братья?

– Вот след Пересмешника, а этот – молодого воина южных стран!

– Хорошо, – сказал апач, – и я так думаю. Пусть Эль-Метисо оставит себе золотые булыжники; апачи будут сражаться, чтобы доставить их ему, но и он, в свою очередь, должен сражаться за своих братьев! Кровь воинов вопиет об отмщении, а убийцы их гнездятся на свя-

ценном утесе, и мы должны добыть их скальпы! Одиннадцать храбрых воинов будут драться только с этим условием!

– Если в этом все дело, – воскликнул Кровавая Рука с любезной улыбкой, – то апачи могут быть спокойны: они получают их скальпы!

Эль-Метисо сделал знак Барахе, чтобы тот шел вперед и указывал им дорогу, а остальные последовали за ним по узкой скалистой тропинке. Индейцы же рассеялись в разные стороны по всей долине, чтобы подстеречь белых охотников в случае, если бы те вздумали покинуть свое укрепление.

– Теперь мы находимся как раз напротив пирамиды! – сказал Бараха, когда после получасовой ходьбы они наконец прибыли к тому месту, где водопад низвергался в бездну.

Однако густой туман скрывал непроницаемой завесой убежище охотников от глаз индейцев, и те, равно как и отец с сыном, тщетно старались напрягать свое зрение.

– Окутывающий горы туман не рассеивается даже и в ясный день! Ты это знаешь не хуже меня, – заметил Кровавая Рука своему сыну, – и пусть меня черти возьмут, если мы через час увидим отсюда хоть на йоту больше, чем теперь! А так как краснокожие псы непременно требуют скальпов, то...

– Старик, – прервал его с угрозой метис, – не забывай, что в моих жилах течет индейская кровь... не то я сумею тебе напомнить об этом!

– Не кипятись! – резко отозвался отец, нимало не смущаясь тоном своего достойного отпрыска, тоном, к которому он давно привык. – Я только хотел сказать, раз индейцам непременно нужны скальпы охотников, то мы должны найти другое, более удобное место, чтобы доставить их им!

Разговор происходил на английском – родном языке Кровавой Руки, уроженца Иллинойса, откуда он бежал, спасаясь от правосудия за убийство. Ни индейцы, ни Бараха ни слова не поняли из этого разговора.

– Я найду другое, подходящее место, – сказал Эль-Метисо. – Только не спускай глаз с этого негодяя! – добавил он, указывая кивком головы на мексиканца.

Затем он стал подниматься на естественный свод, образовавшийся над водопадом.

Когда он удалился, американец, опустив Барахе на плечо свою тяжелую, точно железную руку, обратился к нему на испанском языке:

– Сын индейской волчицы пошел отыскивать и, вероятно, сумеет найти место более удобное, чтобы добыть обещанное тобой золото! Мы же пока разведем костер на этой возвышенности, чтобы пламя его, прорвав завесу тумана, указало тем трем лисицам, которых мы хотим выкурить, что, кроме того отряда, который обступил их со стороны долины, есть и здесь еще другой наблюдательный пост! – И, не теряя из вида мексиканца, которому он не доверял, бандит отошел на минуту, чтобы приказать развести огонь у водопада.

Таковы были причины медлительности нападающих, которой удивлялись трое охотников, безмолвно затаившихся на вершине пирамиды.

– Эх, – проговорил наконец испанец, прерывая молчание, – право, лучше бы попробовать скрыться подобру-поздорову или, по крайней мере, хоть пустить пару пуль в этих краснокожих чертей, что притаились там, за трупом коня: все-таки они бы выяснили свое положение. Смотрите, – прибавил он, – эти мерзавцы, как видно, не стараются даже скрывать от нас своего присутствия! Видите этот огонь там, наверху?

Фабиан и канадец взглянули туда, куда указывал Хосе. Действительно, наверху, над водопадом, светился сквозь туман бледный огонек костра.

– Ну да, впрочем, этих взгромоздившихся на гору сеньоров, – продолжал Хосе, – нечего опасаться: ни стрелы, ни пули их никогда не пробьют нашего шерстяного щита. Но вот эти, – добавил испанец, переводя свой взгляд с гребня скал на долину, – упорные мерзавцы: смотрите, как они понемногу приближаются сюда!

И он указал дулом винтовки на остов коня, теперь уже впереди которого виднелись на земле свернувшиеся в клубок, неподвижные, как два идола, черные фигуры индейцев.

– Вот бы приятно пустить в них по кусочку свинца! Слушай, Розбуа...

Бывший микелет не закончил своих слов: умоляющий взгляд его старого товарища заставил смолкнуть на его устах уже готовый сорваться упрек.

– Ну, будь по-вашему, – продолжал неугомонный охотник. – Так я хоть отведу душу в дружеском разговоре с краснокожими хитрецами!

И Хосе, приняв миролюбивый тон, крикнул громогласно:

– Глаз белого воина не желал бы видеть здесь ничего, кроме конской туши, а он видит целых три: значит, две лишние!

Эти слова произвели на апачей впечатление внезапно пущенной в них стрелы: оба разом вскочили на ноги и в один голос издали пронзительный вой, после чего стремительно ринулись к подножию холма и скрылись за грядой скал.

– Как черт от ладана! – засмеялся бывший микелет, и в голосе его слышалось столько же презрения, сколько и неприязни, граничащей с ненавистью.

– А ведь ты умно поступил, Хосе, – проговорил Красный Карабин, в котором при виде его исконных врагов снова закипела кровь, а приближение момента, когда придется перейти от слов к действиям, возвращало ему прежнее мужество.

– Виват! – воскликнул Хосе. – Я снова узнаю моего отважного друга! – И он с горячим чувством протянул одну руку канадцу, другую – Фабиану. – Друзья, – продолжал он с воодушевлением, – нет у нас ни трубы, ни рога, но бросим врагам, как бывало, наш смелый вызов, как это подобает трем бесстрашным воинам перед лицом краснокожих псов. Следуйте нашему примеру, дон Фабиан: вы ведь уж приняли боевое крещение и теперь такой же воин, как и мы!

И вот трое друзей, стоя на вершине пирамиды и держась за руки, в свою очередь, издали звук, очень похожий на дикий и грозный воинственный клич индейцев, тот страшный, потрясающий звук, не то рычание, не то крик, который не уступал по своей силе и дикой гармонии грозному, воинственному кличу прирожденных сынов пустыни.

С вершины водопада и с гребня скал, возвышающихся над Золотой долиной, отозвались таким же грозным звуком апачи, а протяжное эхо долины повторило его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.